

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ

РАЙОН
НАЧАЛО

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Манасыпов

Район: начало

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Манасыпов Д.

Район: начало / Д. Манасыпов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Город назывался Радостный. Жили в нем обычные люди: работали, любили, строили планы на будущее. Соседство с секретной военной лабораторией их не беспокоило. Да они и знать не знали, что там происходит. Города Радостный не стало, зато появился Район-55. Аномальная зона, свой особенный мир. Район оцеплен войсками. Внутри периметра не осталось людей в привычном смысле — все без исключения подверглись мутациям, телесным или психическим. Кто-то превратился в монстра, а у кого-то открылись сверхспособности. Кто-то сохранил в себе человеческое начало, а кто-то напрочь утратил. Первая книга серии (в авторском варианте). Поклонникам старых-добрых сталкеров, локальных апокалипсисов, мутаций, крепких суровых мужиков и боевитых и чуть менее суровых женщин - самое то. Содержит нецензурную брань.

© Манасыпов Д., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава первая: вечер, оставшиеся минуты	6
Взгляд вперёд -1	16
Глава вторая: ночь – столкновения	21
Взгляд вперёд -2	36
Глава третья. Рассвет – осознание	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог

Человек в старой, заношенной «горке», сидел на тёмном, растрескавшемся пне на склоне Ключёвской. Положив на колени карабин «СКС» с простой оптикой, сбросив на землю выцветший рюкзак-«эрдэшку», курил сигарету без фильтра и внимательно смотрел вниз, через зеркальные очки-«капельки», в которых отражалось весеннее солнце.

Низ делился ровно на две половины, рассекаемые давно обмелевшей речкой с дряхлеющим мостом и почти полностью заросшей камышом, затянутой ярко-зелёной ряской. Прямо перед человеком виднелись засыхающие ивы, которые никак не хотели сдаваться перед фактом медленного умирания реки. Длинные ветви лениво колыхались, задевая кончиками за пушистые камышовые хвосты, торчащие на полутораметровой высоте.

По «эту» сторону, где Ключёвская поднималась над всей округой, мягким ковром волновалась высокая трава. Западный и восточный склоны сопки густо заросли клёнами, карагачами и редкими берёзами, со стороны которых веяло сочным запахом ещё молодых листьев. Стрекотали и гомонили птицы, выющие гнёзда, деловито жужжали пчёлы-трудяги. Прямо на самый кончик ствола карабина, басовито гудя, опустился мохнатый шмель. Посидел-посидел и поднялся в воздух, улетаю по своим, шмелиным, делам.

На «той» стороне серела выжженная земля. Торчали перья ржавеющих вертолётных ракет «НУРСов». Темнели воронки от разорвавшихся мин и снарядов.

Почти двухсотметровая полоса, очищенная от всего, заканчивающаяся первыми, невесть как уцелевшими деревьями с посечёнными осколками ветвями. Уходила вдаль пыльная грунтовка, по которой гуляли маленькие смерчки, пересекая давно продавленные на десяток сантиметров вглубь следы танковых гусениц. Остро и зло торчала вверх колючая, стального цвета трава. Изредка доносились непонятные, странные и неприятные звуки, издаваемые невидимыми обитателями леса. Из птиц человеку было видно только одиноко парящий в высоте над лесом крупный хищный силуэт грифа.

И небо... серое, тяжёлое, наполненное плотными тучами. Невидимая граница, пролёгшая между «этой» и «той» стороной, умудрилась поделить пополам даже чистый аквамарин неба.

Человек, сидевший неподвижной статуей, пошевелился, аккуратно туша сигарету о подошву высокого сапога с застёжками. Бросил её на землю, аккуратно вдавив каблуком поглубже. Поднял руку, посмотрел на механические часы, сидевшие на плотно охватившем тёмное, жилистое запястье, металлическом гибком браслете. Чуть качнул головой, как бы соглашаясь с тем, что пунктуальность соблюдена, когда услышал тихие и аккуратные шаги за спиной:

– Добрый день. – Он не стал оборачиваться. – Как всегда вовремя.

– Как всегда. – Собеседник встал рядом, смотря в ту же сторону, раскачиваясь на каблуках высоких, шнурованных ботинок. Тёмный камуфляж, жилет с рядом карманов для магазинов, автомат и «бегунки» на погонах, с полевыми, вышитыми зелёной нитью тремя большими звёздами. – Спасибо за ребят, которых вывел.

– За которых именно ребят, полковник? – Человек в очках чуть улыбнулся краем жёстких губ. – Это вам спасибо. Хотя бы немного могу спокойно вот так здесь посидеть. Есть дело?

– Да. – Полковник кивнул головой. – Нужна твоя помощь...

– Что надо?

Военный аккуратно опустился, присев на корточки. Посмотрел на тот берег, смотрящий на них просветами между деревьев, сплюнул на землю:

– Дело тонкое... по твоему профилю. Проследить, помочь одной группе.

– Куда идут?

– К чёрту на кулички.

Глава первая: вечер, оставшиеся минуты

Валера ещё раз обтёрся мохнатым, тёмно-красным полотенцем, чувствуя, как быстро бежит кровь по разогретым мышцам. Контрастный душ, жёсткое растирание и нормально – пока усталость почти и не чувствуется.

Тренировка прошла хорошо. Довольные малолетние борцы, честно отпахав на ковре положенное время, разошлись по домам. Серёга, второй тренер, заполнял журнал.

Валера прошлёпал по старенькому линолеуму сланцами, достал из шкафа чистую футболку с эмблемой «Нефтяника», джинсы и стал одеваться.

– Слышь чего, Валерун... – Сергей, продолжая чиркать ручкой, не глядя, щёлкнул переключатель электрического чайника. – А ведь пацаны-то хорошо работают. Не стыдно и на область будет повезти. А Вадьку с Родионом, чем чёрт не шутит, могут и в сборную записать.

– Я тоже так думаю. – Валера, натянувший тугие джинсы, подошёл к стене за своим столом и задумчиво провёл пальцем по собственным грамотам, украшавшим стену. – Потенциал у них обоих – будь здоров. Конечно, работать и работать над ними, но кандидатами от нас точно выйдут.

– Угу... – Его напарник почесал небритый подбородок. – Точняк, могут.

Тренера, не сговариваясь, покивали головами. Они оба любили свою работу, которая не была престижной и высокооплачиваемой. Любили именно чувства и эмоции, которые появлялись на лицах мальчишек-воспитанников, когда они выигрывали схватки.

Оба в прошлом оставили нереализованные возможности. Валера, в своё время шедший на сборную, из-за травмы восстанавливался непозволительно долго.

Сергей...тут случай был сложнее. К работе с детьми его допустили под личную ответственность начальника местного ГУВД. У Серого за спиной была судимость, за нанесение тяжких и превышение пределов допустимой обороны. Рядового мента, только отслужившего срочку и решившего защитить честь сестры – закрыли на пять лет.

– Посмотрим, поработаем. – Валера, подумав, открыл дверцу шкафчика. Стукнув стеклом, поставил на стол два стакана, так редко сейчас встречающихся «граняка». Плеснул по «пятьдесят капель» себе и напарнику. – Будем?

– Будем, едрёна кочерыжка. – Сергей махом опрокинул в себя водку. – Если не помрём. Лишь бы им мясистые пацаны не попались, как мне когда-то.

– Ну да. – Валера поморщился. Достал бутылку с тёплой минералкой, запил. – Самое главное, чтобы мясистые не попались.

– Пошли что ли. – Серый наконец-то закончил чиркать ручкой. – Спать хочется.

– Да пошли. Завтра суббота, отоспаться можно. А чай?

– Да и хрен с ним, Валерище, с чаем-то. – Второй тренер поморщился. – Чай не водка, много не выпьешь.

Валера задумался. Много, не много, но факт – выпить напарник любил. Понятно, что большинство тренеров после тридцати пяти, когда многие надежды полностью разваливались, любили «накатить». Но Сергей пил нехорошо. В одиночку, чуть ли не чокаясь с зеркалом. Работал, правда, так, что не придерёшься, но тем не менее...

Хлопнула дверь. Торопливый бег мягких подошв кроссовок замер у двери. На пороге стоял Мишка, самый маленький из группы:

– Валерий Леонидыч, там, там... – Голос пацана, покрасневшего от бега, сбивался. – Там каблушные, человек пятнадцать, взрослые, а нас всего восемь осталось...

Тренера переглянулись, и, не сговариваясь, бросились на улицу...

***

Надя сидела на лавке перед подъездом, дымя «Вогом», который стрельнула у подруги Кати, высокой, худой и конопатой девицы. Нервничала, изредка матерясь и глотая давно выдохшееся «Жигулёвское». Подруга понимающе и многозначительно молчала. Темнело, небо уже окрасилось в розовый цвет.

Причина нервоза была тривиальна до неприличия: беременность. Всё как обычно и как всегда: день рождения, клубан, похожий на Энрике Иглесиаса красавец, которого привёл кто-то из друзей, танцы-обжиманцы и прочее. Потом две недели встреч, кино и прогулок. И громадное преимущество перед подругами, ведь у красавца, приехавшего учиться в нефтяной техникум с Татарстана, имелась собственная квартира, доставшаяся в наследство от деда.

У него – сессия, у неё – подготовка к выпускному ЕГЭ. Куча времени, которое так весело проводить на большой двуспалке, застеленной шёлковым бельём, попивая «Мартини-Бьянко» из горлышка. Заниматься сексом при свечах, прижиматься к нему, такому красивому и любимому и чувствовать себя если не героиней голливудского фильма, то уж персонажем молодёжного сериала точно.

Был ли бракованным презерватив, или количество активных сперматозоидов у Иглесиаса зашкаливало? А хрен его сейчас разберёт. Как уверяют гинекологи – прерванный половой акт не является хорошим средством для предохранения от нежелательной беременности. И ведь правы оказались все медики, которые об этом твердят (наверняка включая лейб-врача Её величества королевы Великобритании и всех членов королевской семьи). Когда не обратившая внимания на отсутствие месячных Надежда всё-таки решила купить тест, то сразу в этом убедилась.

Сегодня утром она сидела на кипельно-белом унитазе в такой родной и близкой родительской квартире, в которой родилась и выросла. Смотрела то на розовую коробочку с немецкой надписью, валявшуюся под её ногами, на которых красовались мягкие тапочки с мордашками кроликов, то на узенькую картонную полоску в руке.

«Две, их ДВЕ!!!» – хотелось громко орать, но за дверью сонно протопал отец, идущий в ванну, и тут до неё дошло...

Да, всё было красиво и замечательно-романтично. Было да прошло. Надю била крупная дрожь от одной мысли о том, что сейчас внутри неё, где-то там, внизу живота, завёлся паразит. Ненужный ей залётный ребёнок, который, если от него не избавиться, перегоразивал ей дорогу к учёбе, студенческой жизни и последующему устройству жизни после неё. Зачем он ей?!

Но... девушка обхватила голову руками, понимая, что ведь если она сделает аборт, то детей потом может и не быть. Об этом талдычила гинеколог во взрослой поликлинике, куда её перевели совсем недавно. Они тогда с Катькой хохотали, вспоминая девчонку, выпустившуюся со школы два года назад с большим животом. Осенью она уже ходила с коляской, в которой тихо и мирно сопел щекастый розовый пупс. А рядом с ними шёл отец, только-только закончивший третий курс ВУЗа.

Тогда ей было весело, а вот сейчас?..

Выйдя на ватных ногах, она быстренько шмыгнула в свою комнату, с головой зарывшись в одеяло. Дождалась, когда хлопнет дверь за мамой, которая вышла последней, захватив младшего брата. Трясущимися пальцами быстро набрала ЕГО номер.

Трубку он взял со второго звонка. Выслушал, помолчал, сказал, что перезвонит. Через час, когда начавшая дёргаться, с блестящими глазами Надя не выдержала и схватила телефон, раздался звонок в дверь.

Десять минут разговора. Трещина в глубине души и неторопливый стук каблуков его модных туфель, удаляющийся по лестнице вниз. Он готов дать ей денег и найти врача, вот и всё. Не забивай себе голову глупостями, сказал ей Иглесиас, которого звали Мансуром, такое бывает. Какая свадьба, и какой ребёнок?! У меня есть невеста, наши родители договорились

давно. Да, на дворе двадцать первый век, и мы не на Кавказе. Ну и что? У вас свои обычаи, у нас свои. Подумай, время есть. Едем? Ну, всё, я пошёл...

– Козёл, ёпт. – Катька прищурила глаз, в который попал дым. – Мудак нерусский. Слушай, подруга, не ссы, прорвёмся. Денег даст – сделаешь аборт. Не рожать ведь теперь.

– Аборт? – Надя ссутулилась.

– Нет, блин, выносишь и будешь жить у родителей. Дядя Костя будет рад стать дедом, да, Надь? Эй, ты чё, ревёшь что-ль?

Надя плакала. Молча, давясь сухим, сдавленным плачем, зажав ладонями лицо. И только когда подруга, высившаяся над ней фигурой командора, всё-таки не выдержала, обняв её и прижав к себе, только тогда она разревелась в полный голос.

***

Мирон матерился, ковыряясь во внутренностях старенького «газона». Мало того, что он остался последним, и уже вечер на дворе...

Драндулет, который его заставил чинить мастер, был одним из самых старых в РОСТО. А учитывая факт того, что Мирон свободно манкировал все занятия по матчасти, факт удачного ремонта казался ему сейчас просто сказочным и недостижимым.

Категория «С» была нужна Мирону по одной причине: армия.

Гребли всех. Больных, косящих, студентов, аспирантов, обеспеченных и не очень. Полгода назад забрали соседа с пятого этажа, Сашку, сына начальника ремонтной службы местной «Роснефти». Деньги папаша не помогли. Мирон бухал на проводах, вливая в себя стакан за стаканом, косясь на подругу призывника, одновременно ревевшую и с интересом приглядывающуюся к другу Сашки, студенту «аэрокоса». В его ВУЗе была военная кафедра, и потому в ближайшее время повестка не светила. Варька, обладавшая в неполные девятнадцать четвёртым размером груди и внешностью фотомодели, ждать полтора года неудачника, отчисленного за прогулы, явно не собиралась.

Мирон, которого судьба его отношений с постоянной подругой интересовала мало, задумался о другом:

Ему, пэтэушнику, обладавшему железным здоровьем, «отменной» характеристикой в местном ГОВД и проживающему с матерью-техничкой, армия грозила точно. Вот только идти куда-нибудь в десантуру или спецназ, ему не хотелось. Единственной лазейкой, которая могла бы обеспечить спокойную, относительно, службу, Мирону представлялась авторота.

Вот и приходилось теперь торчать кверху задом, тупо пялясь в железные ветеранские внутренности и понимая, что Петрович, давно разменявший шестой десяток, хрена лысого поставит нужный балл.

– Урод, бля, педерастичный. – Мирон харкнул, попав то ли в масляный фильтр, то ли в карбюратор. – Сука...

Мученик автомобильной науки спрыгнул с бампера. Отошёл в сторону курилки, сел на лавку и задумался. И тут хлопнула дверь ангара:

– О как! – Мирон ослабился. – Ты-то мне и нужен, лошара.

Перед ним стоял, невесть как забредший в ангар, его одноклассник-неформал Лёшка. Худой, нескладный, длинноволосый, в старых джинсах и майке с надписью «Король и Шут». Практически отличник учёбы. Стоял, глядя на Мирона, никогда не упускавшего возможности зачмарить его, и затравленно озирался на дверь:

– А... – «Ботаник» сглотнул. – Алексея Петр...

– Не видишь, что ли – нет никого. В шары долбишься?! Сюда иди, ушлёпок.

Лёшка обречённо вздохнул, и направился в сторону почти двухметрового «шкафа», радостно скалящегося с самого момента его появления в гараже.

– Короче, умник. – Мирон прикурил. – У тебя ровно пять минут, чтобы понять – чего в этом пылесосе не работает, и что нужно сделать. Понял?

– Понял. – Лёшка покосился на сбитые костяшки своего постоянного кошмара. – Сейчас посмотрю. А...

– А если ты Петрович увидит, то песец тебе, чмо ты болотное.

***

Александр Анатольевич, врач-патологоанатом городского морга, ужинал.

Степенно и неторопливо ел домашние котлеты с варёной картошкой в сливочном масле, посыпанной зелёным лучком, которые ему принесла подруга, работавшая старшей медсестрой в реанимации. Сегодня у неё был отдых, вот и постаралась, произведя на свет незамысловатое, но от того не ставшее невкусным чудо кулинарного искусства.

Жрец Таната довольно зажмурился, чувствуя, как ледяной струйкой по пищеводу протекла струйка спирта, который он предварительно убрал в холодильник. Водку Александр Анатольевич не любил и не уважал, вполне логично считая, что неразбавленный медицинский куда как лучше продукции непонятного качества, продаваемой в современных супер, и не только, маркетах. А под такие котлеты – так вообще восхитительно.

Патологоанатом давно вёл холостяцкий образ жизни, довольствуясь малым. Ел в основном на работе, дома постоянно употребляя только полуфабрикаты. Из одежды предпочитал джинсы и весёлые футболки со свитерами, то есть то, что не нужно было тщательно гладить. В домашней обстановке у него присутствовал полный минимализм вкупе с анархией, выраженной в валяющихся повсюду носках, футбольных газетах и пустой тары из-под пива, складированной на кухне.

С противоположным полом ситуация была сложной. Женщины относились к нему своеобразно, оценивая прелести спортивного, с интересной внешностью, тридцатилетнего холостяка, владеющего двухкомнатной квартирой адекватно, но при этом довольно быстро исчезали, узнав про характер его работы. Что тому было виной, своеобразность ли работы, или въевшийся в одежду запах формалина напополам со сладковатым ароматом разложения, Александр Анатольевич не знал.

Посему приходилось ему перебиваться обществом молодых и не очень местных блядушек, временно одиноких жён вахтовиков с Севера и редкими случаями с профессионалками. Последнее было весьма редко, так как в местных палестинах таковые особи отсутствовали, а в командировки Александр Анатольевич ездил редко.

Но за последние пять месяцев в его жизни произошла значительная и весьма приятная метаморфоза, связанная с худой и длинноногой особой, сейчас полулежавшей на продавленном диванчике напротив. Стоит заметить, что при этом из одежды на ней был только халат напарницы Александра Анатольевича, Светланы, сейчас полностью распахнутый и абсолютно ничего не скрывающий. Мера предосторожности, так сказать, на случай неожиданного и негаданного визита кого-нибудь из руководства.

Причина метаморфозы была действительно длиннонога, поджара и рыжеволоса. То, что цвет волос у неё свой родной, весьма явно доказывало отсутствие одежды. Звали её Рита, и работала она, как уже было сказано выше, старшей медсестрой в местной реанимации. По возрасту она была старше активно поглощавшего прожаренный мясной фарш врача на три года.

Рита была женщиной умной, адекватной и нормально-стервозной. Обзавелась семьёй она весьма недавно, и ненадолго, разведясь по причине прозаической, и в чём-то, в особенности для бывшего мужа, весьма грустной. Она, по физиологическим причинам, не могла иметь детей. Что саму Риту несколько не смущало, чего нельзя было сказать о её бывшем благовер-

ном. Как результат, в тридцать три года эта милая и абсолютно нефригидная женщина оставалась одинока, проживая в однокомнатной квартире, полученной после развода.

На Александра Анатольевича рыжая медсестра положила свой, ярко-изумрудный взор давно, ещё будучи замужем. Оказавшись снова вольной пташкой, Рита вооружилась многовековым женским и своим небольшим, но от того не менее серьёзным опытом, и принялась за обстоятельную, стратегически просчитанную операцию по завлечению патологоанатома в сети собственной, огненноволосой паутины.

Специфика работы, при которой ей неоднократно приходилось сталкиваться со смертью и повреждениями человеческого организма различной степени тяжести, дала ей изрядную фору. Отторжения, связанного с основной жизнедеятельности и финансового благополучия Александра Анатольевича, не случилось.

Ну, подумаешь! Морг, вскрытия, едкий запах формальдегидных растворов, изжелтабледные, распластанные на столах тела, куча дешёвой одежды для похорон в кладовке (Александр Анатольевич не брезговал «левым» заработком, упаковывая и провожая чьих-то дорогих покойников в последний путь за умеренную плату, демпингуя цены «Горразнобыта»). Разве это оттолкнёт женщину, перешагнувшую рубеж четвёртого десятка, обладающую стальными нервами и постоянно сталкивающуюся со страшной Гостьей, забиравшей пациентов из палат её отделения?

«Окучивание» претендента на руку и сердце прошло без сучка и задоринки. «Клиент», к тридцати годам приобретший склонность к постоянной спутнице и домашнему уюту, оборонялся обречённо и без активного сопротивления.

К детям Александр Анатольевич относился спокойно и без ажиотажа. Куда как больше его интересовал именно тот аспект, что с Ритой ему не придётся прибегать к врачебному вмешательству при прерывании беременности. Окончательно она поразила его жёстким сексом в маленькой комнате, примыкавшей к прозекторской, и он сдался.

Сейчас Рита развалилась на диване, наблюдая за партнёром, жадно поглощавшим остывающий ужин. Куда как лучше было бы находиться у него дома, где она давно навела именно тот порядок, который был по душе ей самой. Но...

На стальных, легированных поддонах за стеной лежали три тела. Два совсем молодых пацана, попавших в аварию и бомж, которого привезла «труповозка», вызванная ОВОшниками, которые нашли его в подвале.

Если мальчишек нужно было привести в то состояние, в котором их могли бы завтра похоронить, то бомжа нужно было обследовать, прежде чем отправлять на безымянное кладбище за городом. Так что работы у избранника Риты было много, потому она и пришла. Э-эх, а жаль...

Женщина, потянувшись, закинув руки за голову и разведя в сторону мускулистые бёдра, и улыбнулась, видя, как Александр Анатольевич поперхнулся, чуть не подавившись куском котлеты.

***

Семёныч, старший прапорщик ППС ГОВД МО Радостный, тщательно мыл руки в подсобке круглосуточного торгового павильона-«разливайки» на «Пятаке». Тёр ладони друг о друга, старательно используя брусок тёмного хозяйственного мыла. Вода из крана шла еле-еле текущей струйкой, что раздражало и без того злого Семёныча. Да и раковина была забита, из-за чего в ней стояла на несколько сантиметров розовая от смывой им крови, с пеной от мыла, вода.

– Смыл? – Лидка, дородная ночная продавщица, заглянула в подсобку. – Ну, Семёныч, ты и зверь. Это же надо, так человека отмудохать.

– Рот закрой. – Прапорщик снял с крючка грязное полотенце и начинал вытирать руки. – Я и тебя бы отмудохал, не будь ты бабой. Раньше не могла позвонить, овца?

– Ты чего?! – Женщина напряглась, понимая, что заведённый мент запросто может «выписать» звездюлей и ей. – Что я сделала-то? Ну, пили они в разливайке, и что? Дембельнулся вроде как один, вот и пили. Тихо и мирно, пока Керим не зашёл...

Прапорщик развернулся к ней:

– Сколько раз было говорено, что раз пьют и темно, так звони? Я ведь, если захочу, запросто вашу рыгаловку закрою. Так и передай своему шефу. Мы вам не мешаем водку палёную продавать, налево от хозяина, так?

– Так...

– И с тобой я договаривался, что раз есть мои клиенты, так звонишь. Было дело?

– Было, Паш, но ведь молодые ребята-то. Друг с армии пришёл, я и подумала...

– Ты бы, Лидок, думала поменьше, а то сдаётся мне, что ты точно не головой думаешь.

А своим заводом.

– Каким заводом?

– По производству целлюлита, на который ты скоро трусы на рынке найти не сможешь, если жрать в два горла не прекратишь.

Лидкины пальцы, вцепившиеся в косяк, побелели от того, как она их сжала:

– Ну, ты и козёл. – Тихо и отчётливо зло произнесла продавщица. – Хрен с тобой, Семёныч, будут тебе клиенты. Но если ещё раз захочешь от своей Машки налево со мной сходить – хрен тебе. Понял?

– Да и даром не нужно. – Прапорщик сплюнул и шагнул в сторону двери. – Подвинься, а то не протиснусь.

Семёныч вышел в торговый зал, направляясь к выходу из модуля.

Напарница Лидки, худенькая и зашуганная девушка, торопливо возилась в углу со шваброй, вытирая кровь и сметая осколки стекол. За стеклом двери виднелся зад милицейской «таблетки», на который патруль прапорщика объезжал улицы города. Рядом, бок о бок с ней, уже стояла «газелька» скорой помощи, которую пришлось вызвать сержанту Михайлову. Сам сержант, вместе с третьим патрульным, молоденьким стажёром, курили рядом со служебным автомобилем. Хлопнув дверью Семёныч направился к скорой.

На «Пятак» они заехали планово и стали свидетелями того, как из крайнего окна «разливайки», уместившейся в самом конце ряда павильонов, вылетает высокий металлический стул.

Внутри бушевала драка. И именно в прошедшем времени. Какой-то пьяный парень в явно дембельском камуфляже старательно избивал полу-татарина полу-азербайджанца Керима, который работал в соседнем ларьке. Ещё двое парней, в усмерть пьяных, крепко его держали. Кто выбил стулом окно было неясно, да то и не интересовало ППСников. Всё бы было ничего, если бы «камуфлированный» не решил доказать факт того, что он не зря служил в войсках дяди Васи Маргелова. И вот это он сделал зря.

Семёныч, и без того злой по причине того, что должен был сегодня отдыхать, пить пиво и смотреть матч любимого «Рубина», думал не долго. Будучи в прошлом мастером спорта по боксу и обладая куда как большей комплекцией чем дембельнувшийся «голубой» берет, он быстро доказал всю абсурдность действия отставного вояки. Пока двое других ментов выкручивали руки дружкам десантника, Семёныч, обработав того, приступил к планомерному нанесению ему телесных тяжких, благо факт нападения на сотрудника при исполнении был налицо.

– Ну чего там? – Прапорщик подошёл к скорой, из дверей которой выбрался врач. – Здорово, Лёх.

– Здравствуй, Паша. – Бывший одноклассник Семёныча достал из кармана мятую пачку «Явы», щёлкнул зажигалкой. – Постарался ты на совесть, ничего не скажешь. Перелом лицевой

кости, смещение перегородки носа и выбитые зубы. Не перегнул палку-то, а? Как считаешь, Паша?

– Да срать я на него хотел. – Семёныч сплюнул. – Не хрен на меня кидаться было. Закрою его по полной, говнюка.

– Закроешь-закроешь. – Врач глубоко затынулся. – После выписки гражданина Абросимова из больницы. К слову, Паша, пацан-то ветеран. Дело такое...

– Какое, на хрен, такое?

– Да ты не злись, Паш. Просто на таких ребяташек, как избитый тобой мальчишка, сейчас наш новый президент ставку делает. Льготные кредиты, рабочие места, поступление в учебные учреждения и прочее. Смотри, как бы тебя самого не закрыли, за превышение полномочий и несоответствие принятых тобой мер реальной действительности... А мальчика я увожу в «травму», Паша. Если повезёт, так ему лицо слепят заново, ну а не повезёт, так Квазимодой и останется. На всю жизнь. И отчёт я составлю, и в журнал запись сделаю, ты уж на меня не серчай, одноклассник.

– А пошёл ты, Лёх, на... – Семёныч ещё раз сплюнул. – Имел я таких ветеранов, понял? Эй, экипаж, поехали в отдел, сдавать орлов.

Дверцы УАЗика хлопнули, зафырчал двигатель, и «таблетка» покатила в сторону «дворца правосудия».

За павильоном, стоя под козырьком, курила зарёванная Лидка.

***

Кир шёл вдоль ряда клеток, осматривая свои владения и подданных. Владения были скромные, подданные неразумные и опасные. Но, тем не менее, свою работу Кир любил. А ведь всё началось с детства...

Детство ему выпало сложное, пришедшееся на девяностые, проходило в городе-герое Москве, точнее в будущем Южном её округе. В семье, кроме Кира, было ещё трое детей, родители и бабушка. Родители жестоко пили, изредка работая в «окнах» между месячными запоями. Денег постоянно не хватало, игровых приставок и модных игрушек у детей не было. Единственным развлечением Кира были поездки с бабушкой в цирк или зоопарк, в те дни, когда ей платили пенсию. Вот оттуда и пошла любовь к животным, которые хоть и живут в клетках, но не пьют, любят своих детёнышей, оберегая их до момента взросления.

С учёбой тоже не срослось, и Кир пошёл, когда пришло его время, служить в армию. Вернулся, съехал на съёмную квартиру и пошёл учиться на ветеринара. Из техникума его исключили на третьем курсе за жестокое избиение лиц кавказской национальности, обучавшихся с ним на одном «потоке». Еле-еле удалось отмазаться от суда и прочего, что с ним связано. Как результат: должность зоотехника в разъездном зооцирке. Что Кира, в принципе, устраивало.

– Ты чего нервничаешь, Джим? – Он остановился у клетки с большим орангутангом. – Старина, чёт ты мне не нравишься сегодня...

Джим прыгал по клетке, крича и дёргая стальные пруты. Он был старым и очень большим, с густой, тёмно-рыжего цвета, свалявшейся шерстью. Обычно спокойный и невозмутимый орангутанг немного испугал Кира. Таким он его никогда не видел, и не понимал, что могло вывести из себя старого и умного самца. Зоотехник покачал головой и пошёл дальше, всё больше прислушиваясь к не совсем привычным для него звукам, которые издавали его питомцы.

В соседней с Джимом клетке набирали силу ор и крики семьи шимпанзе, метавшихся по своему «дому». Кир еле успел увернуться от полусгнившей моркови, которую метнула в его сторону Шина, самая взрослая из самок.

Павианы дружно оборали его, только завидев.

Через стенку от них, раскачиваясь на четырёх лапах, разинув пасть и демонстрируя роскошные клыки, ворчал Болго, большая горная горилла, жемчужина зооцирка.

– Да что за чёрт... – Кир торопливо двинулся дальше, подходя к клеткам с хищниками.

Хищников у них было довольно много. Три клетки занимали бурые медведи, общим количеством с медвежатами доходившие до пяти голов. Два белых дополняли общее количество любителей мёда.

Подойдя к ним, Кир оторопело устоялся на обычно флегматичных мишек. Все самцы, включая громадного белого Шпаро, молчали. Но при этом амплитуды, в которых роль маятников выполняли медвежьи головы, поразили даже его. Только Машка, загнавшая обоих медвежат в угол, не раскачивалась. Вместо этого, заметив техника, медведица всей массой прыгнула на прутья, заревев и оскалив пасть. Кир поспешил как можно быстрее уйти, чтобы не волновать её ещё больше. Но и дальше дела были не лучше. Вой и ор нарастал.

Две семьи обычных и одна красных степных волков, да плюс двое больших северных. Все люпусы выли, вытянув лобастые головы на крепких шеях.

Лев и львица. Три маленьких чёрных леопарда, в просторечии называемых пантерами и один большой, африканский. Большой тигр-самец и маленькая самка. Три рыси и семья из четырёх больших манулов, мать и три котёнка. Кошки орали и шипели, а Хан, индийский тигр носился по клетке кругами, изредка терзая ни в чём неповинную деревянную кормушку.

Рогатые, копытные и прочие миролюбивые тоже не подкачали. Олени, антилопы, сайгаки и даже большой африканский буйвол. Большой верблюд-бактриан, стоявший на самом входе в зоопарк. Лесные кабаны. Дикобразы, лемуры и мангусты.

Большие пернатые и серпентарий. Полный набор, короче. И всё это мохнатое и пернатое сообщество сейчас выло, ревело, рычало и просто раскачивало клетки, создавая дикую какофонию.

– Успокойтесь уже! – Кир стоял посередине смотровой площадки, ничего не понимающий, нервничающий и немного напуганный.

– Кир, что творится?! – Сан Саныч, старший зоотехник выскочил из прохода между клетками, натягивая на плечи старенькую «штормовку». – Давно орать начали?

– Да какой давно, Саныч... – Парень повернулся к коллеге. – Пошёл посмотреть минут пять назад, как да что, а они тут уже...

Быстрый топот по доскам настила на входе, запах «Жилетта» и «Капитана Блэка». Исполнительный директор, он же владелец и учредитель зоопарка в одном лице, Женечка Байсагин, явился лично проверить факт безобразия со стороны собственности.

Пухленький, в туго обтягивающих жирный зад джинсах, цветастой гавайке, он остановился рядом с ничего не понимающими зоотехниками, и начал орать и командовать:

– Чего за хрень у вас творится, Саныч?! Почему звери орут, я спрашиваю? Кормили?!

– Нет, ёпт, забыли! – Сан Саныч покосился на толстячка. – Сами-то поняли, что сказали, Евгений Петрович?

– Ты мне поумничай ещё тут!!! – Женечка забрызгал слюной. – А почему тогда крик такой, я вас спрашиваю? А?!!

– Погода может меняться будет, Евгений Петрович... – Кир директора откровенно недолюбливал, но старался всегда быть вежливым. – Мало ли, животные всё-таки...

– А ты ещё поговори у меня, Кир!!! – Медленно, но верно, директор заводился всё больше и больше. – Думаешь не в курсе, что вы с Санычем здесь за шахер-махеры в обход меня делаете?!!

– Что? – Старший зоотехник чуть не подавился дымом от сигареты. – Вы о чём, Евгений Петрович?

– А ты подумай, Саныч... – Байсагин свирепо глянул в его сторону. – Думайте, как зверей заткнуть, понятно? Хоть здесь и старый район этой деревни, нам один хрен проблемы с

местными пенсионерами не нужны. Не поспит какая-нибудь баба Люся ночку, а с утра жалобу на нас накает. И поедом мы с городка дальше, и без денег. Ясно?

– Ясно... – Буркнул Кир в спину удаляющегося начальства. – Что ничего не ясно.

Сан Саныч сплюнул, понимая, что директор прав. Зооцирк разместился на старой площади городка, практически у самой трассы и железнодорожной линии. Невысокие старенькие дома, с перекосившимися дверями и узкими оконцами. Крохотные «финские» домики, которые когда-то, судя по всему, ставили для самых первых жителей-нефтяников.

И прав был Женечка, именно в том, что жили в них, а вернее доживали, те самые старики.

*****

– Ох...ещё...ещё...мм-м...а-а...а-а-а-а...!

Ногти с тёмным лаком впиваются в кожу спины и затылка. Длинные светлые волосы раскинулись по подушке. Хрипловатое мужское дыхание и тихое женское постанывание. Терпкий, перечный запах и другой, слегка сладковатый аромат. Большие, сильные ладони мнут мягкие бёдра и крепкий, немного располневший зад. Кожу на мышцах пресса чуть колот короткие, отрастающие волосы на лобке. Скрип, всё убыстряющийся и убыстряющийся. Маленькие капли пота в узкой ложбинке между твёрдых шаров груди с острыми, торчащими сосками. Чуть приоткрытые губы, сквозь которые поблёскивают зубы. Выгнутые маленькие женские ступни с напряжёнными пальцами. Пружины продавленного матраса торжествующе звенят и...

Тишина. Свет в окно ложится на две сплетённые фигуры, которые пока не хотят разъединяться, ещё выжимая друг из друга крохи удовольствия. Они лежат на скомканных простынях, наслаждаясь тем моментом, когда ничего вокруг не важно.

Снова скрип. Кровать старая, как и дом, в котором она стоит. Трещат половицы, когда-то любовно выкрашенные коричневой краской. Мужчина садится на край, щёлкает кнопкой мобиля, смотря на время. Уже темно, вечер плавно перешёл в ночь, а они и не заметили. Рука шарит по полу возле кровати, натывается на коробку с соком.

Женщина смотрит на то, как он пьёт, жадно, торопливыми глотками заливая жидкость в пересохшее горло. Поднимает руку и гладит широкую спину, проводит ноготками по ложбине позвоночника, с обеих сторон окружённой валиками мышц. Привстаёт и прижимается лицом к левому плечу мужчины:

– Сказка просто, до чего хорошо...м-р-р-р. – Трётся щекой об него. – Хочу ещё.

– Да с удовольствием. – Мужчина улыбается. – Сейчас, сейчас... Покурю только.

– Кури здесь, не ходи никуда. – Женщина потягивается, выгибаясь. – Всё равно до утра выветриться. Ну, а если почует, скажу, что курила сама. М-м-м?

– Как скажешь. Слушай, Наташ, а вон что, вообще ничего не подозревает?

– Да откуда ж, Вадик, я знаю. Твой брат, ты и думай, может он подозревать чего, или нет.

Мужчина согласно кивает. Докуривает, стоя у окна, растирает тлеющую сигарету в пепельнице, и убирает в карман своей рубашки, висящей на стуле.

Когда поворачивается, то видит, что Наталья уже стоит на коленях, выгнув спину и чуть покачивая из стороны в сторону блестящими в свете из окна ягодицами. И думать ему сразу не хочется...

Спинка кровати с гулким стуком бьётся о стену дома.

На той же улице, где стоял этот старый, но ещё очень крепкий дом, прямо напротив него, спряталась в темноте красная «Нива».

Егерь сидел на пассажирском сиденье, прихлёбывая из стакана термоса ещё тёплый кофе. Внутри машины табачный дым настолько густым, что ему даже пришлось приоткрыть дверцу, чтобы запустить воздух. Между колен стояла полностью снаряжённая «Сайга», чуть поблёскивающая стеклом прицела. Егерь не хотел бы пускать её в ход, но:

Вадим был у него. Это было ясно. На мобильник он не отвечал. Дома его не было. А возле дороги, ведущей в сторону Васильевки, одиноко приткнулся его джип.

У Егеря было очень хорошее зрение и прекрасная память. Ошибиться в том, чей силуэт, подсвеченный огнём зажигалки, он увидел в окне их с Натальей спальни, было невозможно.

Там, где Егерь провёл большую часть молодости, про такое говорили «кысмет». Не судьба и не рок, а именно кысмет... неизбежность. Надо было послушать друзей, а он... и ведь это его брат, младший двоюродный брат...

***

Город медленно засыпал. Вечер плавно и незаметно превращался в ночь, кутающую всё вокруг в тёмное и густое одеяло.

Люди, почти шестьдесят тысяч, живших в нём, были разными. Добрыми, злыми, скучными, весёлыми, расстроенными и довольными. Они просто жили, идя своей дорогой вперёд, не думая о том, что для выбора времени у них не осталось...

Обычно слегка красноватое, от зарева факелов, небо, на севере неожиданно резко окрасилось в ярко-зелёный цвет.

А ведь...

Надя могла послушать своего Иглесиаса-Мансура, и поехать в областной центр, и остаться там на ночь, в палате той клиники, которую он предлагал ей для аборта...

Мансур мог подумать своей уже вполне взрослой головой, и просто быть рядом со всё ещё школьницей, которая несла в себе его ребёнка...

Мирон мог плюнуть на зачёт, свалить домой, и не задерживать до темна нефора Лёху...

Лёха мог попытаться преодолеть собственный страх перед громилой-одноразовиком и уйти из бокса.

Александр Анатольевич мог забить на «левету», уйти домой и вернуться рано утром, проведя ночь с Ритой.

Старшая медсестра могла не бежать к вновь приобретённому любовнику, а пойти в гости к подруге, которая звала её так настойчиво.

Семёныч мог не избивать бывшего десантника, а скрутить его и быстро доставить в отдел.

Десантник мог попытаться заставить себя не приставать к спокойному и тихому таджику, родители которого переехали в Россию ещё при Горбачёве.

Вадим мог пересилить себя и не пойти к жене старшего брата, пока тот должен был находиться на очередном дежурстве в охотозайстве.

Зоотехники Кир и Сан Саныч могли наплевать на вопли зверья и пойти в ближайший кабак, попить пива и думать о работе на утро.

Наталья, жена Егора, которого чаще всего называли Егерем, могла не крутить шашни с его братом. Или, хотя бы, попытаться оттолкнуть от себя Вадима, который, в момент Волны старательно изливал в неё остатки спермы.

Егерь... а что Егерь? Он мог бы остаться на участке, за пару десятков километров от города.

Каждый из них мог, хотя бы насколько-то изменить то, что случилось позднее, когда с севера пришли зелёный свет и Волна. Это не спасло бы никого из них, но дало бы возможность хотя бы окончить жизнь не так страшно, как это произошло с большинством. Кысмет...

Взгляд вперед -1

Рёв, идущий сверху, вбивающий в землю как колотушка для свай. Громадная, чёрная, ширококрылая тень ложится сверху, проносится, обдавая вонью, ударяя волной воздуха, забрызгивая едкими каплями...

Крик, дикий крик, проходящий через мембраны наушников... Взмах длинного, украшенного булавой костяных шипов, хвоста. Багряные всплески из развороченной спины и перекошенного рта на лице, направленного в мою сторону...

Затвор на себя, вскинуть вверх ствол автомата в бесполезной и обречённой попытке выжить. Вдавить до упора, до скрежета металлических частей внутри, до дёргающих ударов отдачи спусковой крючок. Запах пороха повсюду, так же, как и запах крови...

Взмах широкого, перепончатого, рваного, в прожилках сосудов крыла над головой, и снова рёв. Он заходит на ещё один вираж перед атакой, не реагируя ни на стрельбу, ни на рвущие плоть попадания. Взмах и он летит на меня...

Кровь ударами перфоратора колошматила в висках. Взмокший, хрипло глотающий пересохшим горлом воздух, я сидел на краю кровати, сбросив одеяло, пытаюсь унять бившую меня крупную дрожь. Опять, опять!!!

А ведь уверял меня пожилой, смахивающий на Айболита, доктор, что таблетки помогут. Помогли, как же...

Снова и снова возвращаюсь туда, в проклятое и благословенное место, в чёртов Район. Почти каждую ночь иду, бегу, стреляю, тащу на себе окровавленные куски мяса, бывшие ещё недавно друзьями. Не отпускает, не даёт забыть, не становится дальше. Ни хрена! Всегда со мной и во мне, как заноза, которую никак не вытащишь...

Тёплая, мягкая рука легла на плечо. Вторая обхватила впереди, крепко прижимая к нежной и податливой груди. Длинная копна волос накрыла сверху, губы прижались к щеке:

– Снова?

– Ага... прости, разбудил тебя, солнце.

– Да ладно. Не в первый раз. Что сегодня было?

– Смок и туристы. Ох, ёёшеньки-ёё. Не могу забыть и всё тут. Таблетки опять не помогают.

– Плохо. Будем здесь искать другого врача, или в столицу поедем всё-таки?

– Не знаю, не знаю. Смысла нет.

– Ну, конечно, откуда ему быть... э-эх.

Она встала. Прошлёпала босыми ступнями по ламинату, покачивая в свете фонаря за окном всем тем, что я так любил. Елена Прекрасная моя, чудо взъерошенное...

Всё наперед просчитала. Хлопнула дверь холодильника, что-то забулькало, заполняя стакан. Опять шлепки, возвращающиеся в комнату, скрип кресла, в которое она села.

Голубоватый, неровный свет мягко залил две самых прекрасных выпуклости, которые чуть качнулись, заставив меня еле слышно вздохнуть. Даже мурашки по спине пробежали, и кровь снова застучала сильнее. Правда, не в висках. Щёлкнула зажигалка, выхватив из темноты полные губы и чёткий, скульптурно-правильный нос. И четыре звёздочки на погоне её форменного кителя, брошенного на боковину кресла:

– Сколько же ты вот так ещё сидеть будешь на месте? Деньги пока не кончатся? Так им конец быстро придёт, если в холодильнике вместо пива и водки постоянно будут «Баллантайн» и «Кьянти». На вот, прими снотворного.

– Ещё не скоро закончатся... а там и работу найду. Ты чего?

– Найдёшь, найдёшь. Уже три месяца ищешь, и всё никак. Может к нам всё-таки? Сам понимаешь, возьмут тебя сразу. Форму оденешь, отучишься, командовать станешь...

– Нет уж, милая моя. Не пойду, хватит с меня. Набегался, настрелялся, пора и честь знать.

– Ну, ну. Ладно. – Стакан со стуком опустился на пол. Скрипнуло кресло, отпуская её. Свет снова мягко облил всё, что должно было быть им облитым. Мурашки пробежали ещё раз, ладони толкнули меня в грудь, пружины кровати скрипнули...

Уже намного позднее, когда свернувшись в тёплый клубок и завернувшись в одеяло, она заснула, я встал. Тихо, не шумя, вышел на застеклённый балкон. Было тепло, лето и не думало приближаться к своей середине. Закурил, смотря за окно, глядя на восток.

Ночью небо там, куда я смотрю, всегда с красноватым оттенком. Покуда не сгорит весь газ, закачанный под землю, факелы вокруг Города не погаснут. А, может быть, будут продолжать гореть и тогда. Кто знает?

Она права, конечно. Симптомы у нас у всех одни и те же. Мы долго ищем работу, скрывая от самих себя, что нам это не нужно. Просыпаемся каждую ночь, взмокшие от пота, с бешено бьющимся сердцем. И редко когда кто-то из нас уезжает отсюда.

Потому что там, в паре десятках километров от моей однокомнатной квартиры, небо ночью всегда озарено красным. Там, по периметру, постоянно барражируют вертолёты. Там, за колючкой и линией укреплений, своя жизнь.

Странная, страшная и своя. Вошедшая в плоть и кровь, не отпускающая ни на шаг, заставляющая снова и снова возвращаться.

Ещё одна ночь без сна. Вместо него – опять прокручивать в голове плёнку собственного фильма, вновь уходя туда, где небо красно от жирно дымящих факелов.

Там Район. Там Город. Мой бывший родной город, в который я всё равно вернусь...

Ветер злобно воет, рвёт давно ставший чёрным полиэтилен теплицы, когда-то поставленной её рачительным хозяином из крепко сваренных швеллеров и уголков. Ветер дико мечется по пустоши, бывшей раньше полосой садов и огородов, лезет в каждую щель, поднимает густую пелену из пыли и мелкого мусора, пытается выгнать тепло из комбинезона там, где неплотно прилегает один из боковых клапанов. Когда у него это удаётся, он, пройдя сквозь плотную ткань и металлопласт защитных пластин, прямо по голому телу бьёт как зазубренная спинка тяжёлого ножа. И лёгкая морось, отсекаемая, насколько это возможно, козырьком шлема, но всё равно постоянно ложащаяся мелкими каплями на забрало. Её влажная паутина может покрыть всего, с ног до головы, чуть блестящим ковром. Ткань непромокаемая, но если моросит больше двух дней, то кажется, что сырость, такая липкая и явственная, всё равно заползает внутрь комбеза.

Редкие, закрученные штопором, с белёсой, покрытой лишаями слабо светящегося мха корой, деревья. У большей части то ли листья, то ли иглы, которые начинают странно шевелиться сразу после того, как приближаешься к ним меньше, чем на метр. Стаи больших чёрных ворон, поднимающиеся в низкое, задёрнутое серыми тучами, небо, из-за разрушающихся далёких домов ближайшего, почти пятнадцать лет назад брошенного микрорайона. Той его части, которая сейчас смотрит на нас мёртвыми глазницами грязно-жёлтых «хрущёвок», густо украшенных частой паутиной трещин, почти полностью сбивших штукатурку и добравшихся до бетона плит. Одиноко стоящая игла телевизионной вышки, виднеется чуть правее, протыкающая волнуемое море, состоящее из крон давно превратившегося в лес Парка. Тогда, в том, добром и хорошем мире, она была выкрашена в чередующиеся красно-белые полосы, от которых сейчас остались непонятного цвета облезшие лохмотья, болтаемые ветром.

Чавкающая сырая земля под подошвами высоких армейских ботинок. Привычная тяжесть «калаша», висящего поперёк груди и рюкзака за спиной. Давно ставшее знакомым и анатомически правильным давление от дыхательной маски на лице и эластичного ремня шлема

под подбородком. Без маски здесь, на подходе к Черте, никак. Туман поднимается два раза в день, и если попадешь в него без неё, то всё, как... .

Чёткий писк зуммера анализатора, постоянно считывающего данные окружающей среды и ровная зелень цифр в нижнем углу забрала, там, где встроен «жидкий» монитор. Да, приборы никогда не подскажут больше чем интуиция и опыт, но с ними всё же спокойнее. Некоторые изменения в том, что составляет каждодневную реальность Района – просто так не заметишь.

Мерно, шаг за шагом, идём вперёд и только вперёд. Аккуратно, стараясь держаться любых укрытий. Пять метров и остановка. Поднять «ствол», взять в прицел свой сектор возможного обстрела, дождаться тех, кто топает позади. Встать с колена и опять двинуть вперёд. Мы уже очень близко к цели. Впереди Черта. Пройти через неё, и, возможно, станет проще.

Если пройти её нормально, и без потерь...

Ага, вот и она, родимая. Как будто железной щёткой по хребту провели. Дисплей шлема мигает, на какое-то время полностью вырубаясь. Вперёд, не сворачивая ни на сантиметр.

Вмятая в землю банка из-под колы, облезшая, почти совсем без краски, блестящая даже без солнца, это первая вешка. Прямо напротив неё, сантиметров через сорок, вбитый железный штырь с номером «пять». Это вторая.

Никогда не доводилось идти по минному полю? Нет? Мне доводилось. И ни хрена не для выполнения ответственного боевого задания. Дурак просто был, и домой хотел. Было нас, таких дебилушек, целых четыре человека. Так мы не просто шли, а бежали, торопясь на последнюю вертушку. И целыми остались, и успели. Хорошо хоть, что не зарёкся тогда больше по минам не бегать. А то сам бы себя сейчас не уважал.

Хотя здесь кое-что пострашнее будет. Мин-то нет, и днём с огнём их в Районе и возле Города не найдёшь. В отличие от всяких пакостей, которых здесь в избытке: «провалы», «конфорки», «горючки», «с добрым утром», «битум». В общем, всё, что вашей душеньке угодно, одним словом.

Лирика, не пойми, откуда приходящая в голову в самый неподходящий момент. А что поделать, если натура такая? Чёрт с ней, пора двигаться вперёд.

Десять вешек, отгораживающих около семи метров коридора внутри Черты. Осторожно втиснуться в этот узкий проход, каждый раз, опуская ногу, думая о том, что за прошедшее время он не стал ложным. А вот и последняя – деревянная рогулька, на которую, явно после нашего последнего визита, какой-то шутник насадил череп бабуина. Или резуса, или шимпанзе... хрен редьки не слаще.

Всё, вышли. Струйка пота по спине, так чётко ощущаемая напряжёнными нервами. Влажная, ненормального иссиня чёрного цвета, трава под наколенником. И, как обычно, пропавшие в никуда пятнадцать минут времени вместо тех десяти, которые мы потратили на Черту. Это уже сам Город, проклятое чёртово место, в которое мы возвращаемся вновь и вновь.

Впереди старое, полуразваленное здание подстанции, от которого нам прямо и до упора. На последних метрах перед самим Городом всегда кажется, что в нём самом будет легче. Это не так. Здесь не легче, а просто есть возможность краткой передышки, в самом-самом начале. Потом становится даже тяжелее чем в пригороде, когда местные понимают, что на них свалилась свежая порция вкусного и полезного мышечного белка, вдобавок ко всему, ещё и увешанная ценной и качественной аппаратурой с амуницией.

Идём вперёд, отсекая сектора наблюдения, внимательно прислушиваясь к внутренним голосам и писку зуммеров встроенных приборов наблюдения. Чаще всего в подстанции никто не прячется. Местное зверьё, обычное, а также полу и полностью разумное, здесь предпочитает не таиться. Они давно привыкли к тому, что выйдя с Черты, рейдеры имеют одну приобретённую в Районе отвратительную привычку. Которая ярко выражается в шквальном огне по всему, что проявляет агрессивные наклонности в их сторону.

Первые сто метров пройдены спокойно, никто и ничто не пытается каким-либо образом напороться на пулю. Останавливаемся в аккурат за когда-то и кем-то привезёнными, растрескавшимися армированными плитами. Концы арматурин, сейчас выставившие напоказ свои проржавевшие зубья, штука опасная. Не заметишь, то можно и пропороть ткань лёгкого комбинезона, если напорешься на бегу. Хотя лично я точно не рисковал бы носиться здесь. Затаившихся, «якорных» опасностей-ловушек, в этом квадрате много. Добираемся до плит, и присаживаемся. Пять минут на отдых и определение обстановки.

Сегодня мы не в своём обычном составе. Подрядились провести каких-то, стукнутых на всю голову, туристов. Вон они, приземлились на пятые точки и жадно, видно через прозрачные забрала, глотают воздух, приходя в себя. Последние двести метров перед Чертой мы неслись сломя голову, уходя от туманных волков. Стая решила взяться за нас крепко, вот и пришлось уносить ноги. Ладно, хоть заметили мы их издалека, и успели драпануть. Если бы не эти, которые щас подняться не могут, то может быть и отогнали зверюг, а так... Волки звери «внешние», через Черту они не ходят, и проще удрать, а не тратить на них патроны.

Ну, да и чёрт с ними. Поднимаю бинокль, хороший, немецкий, полностью совместимый с электронной начинкой шлема. Шарю искателем, пытаюсь заранее рассмотреть опасность. Ну, с, что у нас есть интересного?!

Впереди Парк и Гаражи. Место нехорошее, которое мы обычно стараемся обогнуть стороной. Хуже, из близлежащих «плохих» территорий Района, может быть только Колыма. Бывший частный сектор, торчащий на самом севере города, и из-за этого так и названный первыми жителями. С десяток улиц из полуразрушенных домов, разделённых полосой потрескавшегося асфальта, с участками, густо заросшими кислотником, развалинами сараев и подсобок, в которых кто только не водится. И ещё там есть местные гуманоиды, которые зачастую куда как опаснее любого животного. Хорошо, что мы всё-таки смогли выйти не с её, Колымы, стороны.

Так... между развалинами гаражей, мягко и обманчиво лениво перекачываясь, двигаются шары полевиков. И их много, не меньше штук пятнадцати. Лохматые, внешне вялые и медленные ежи-переростки, выстреливающие по сторонам полуметровыми щупальцами с десятками загнутых, острых крючков. Это плохо, дробовик у нас один, а против этих зараз именно картечь – самое то.

Видоискатель цепляется за махину вышки, останавливаясь на чётко видимой серой массе, плотно облепившей металлоконструкции где-то посередине. Вот чёрт его знает, что это? Может быть – остатки паутины, может быть – просто ветром занесло какой-нибудь брезент, наконец сорванный с одной из трёх проржавевших фур на стоянке. Может быть, а может быть, и нет...

Серая масса шевелиться, подаваясь вперёд, разворачивая тёмные, с прорехами, паруса крыльев. Гибкая шея разворачивается в нашу сторону, вода по воздуху вытянутой и массивной головой, челюсти дёргаются, раскрываясь. Спустя несколько секунд до нас донёсся рокочущий рёв. Смок, мать твою!!!

Ребята вскакивают на ноги, понимая, что единственный шанс, который у нас остаётся, это бой. Если уж он нас заметил, то разбежаться у нас не получится, не успеем добраться ни до гаражей, ни до развалин домов. Да и бесполезно это, не поможет...

Туристы мечутся. Один рвёт всё-таки в сторону, несмотря на мой крик, надеясь скрыться от визжащего кошмара, заходившего на нас на бреющем полёте. Далеко не убегает, споткнувшись о неприметную кочку и угодив точно на густой газон разрыв-травы. Сложенные в острые, четырёхгранные пирамидки, листья мгновенно протыкают беднягу, и тут же разворачиваются, разрезая его изнутри, поднимая в воздух густую красную пыль.

А нам уже не до него, потому что смок приближается, широко раскрыв бездонную голодную пасть, часто утыканную кинжалами блестящих от слюны зубов. Громадные провалы чёр-

ных глаз, развёрнутые крылья и кожистые мешки на шее, готовые плюнуть в нашу сторону кислотой...

Глава вторая: ночь – столкновения

Наталья кричала, захлёбываясь собственным криком и не могла пошевелить ни руками, ни ногами. Её сознание туго и жёстко скрутила жестокая воля странного существа, стоявшего перед ней. Где был Вадим – она так и не поняла.

Когда она наконец-таки выбралась из тёмной глубины забвения, в которое её закинула Волна, любовника в комнате не было. Вместо него прямо перед ней, застыв неподвижным извращением, поблёскивая в тусклом зеленоватом свете какими-то чешуйками и наростами, высилась странная мощная фигура, следившая за ней чуть светящимися глазами. А потом существо шагнуло вперёд, попав в полосу довольно яркого света, падающего через выбитое стекло. И тогда Наталья закричала, рвя связки от того ужаса, что мгновенно закутал её в кокон чёрного и беспросветного страха...

Свет выхватил из темноты мощные грудные пластины мышц, перекачавшихся под тёмно-желтоватой кожей, покрытой кожистыми выступами и чешуйками повсюду, где были сгибы и складки. Тёмная голова с какими-то выступами на самой макушке качнулась вперёд, показав кричавшей девушке себя во всей «красе».

Вытянутое вперёд рыло, заканчивающееся хоботом, образованным четырьмя мясистыми «лепестками», которые находились в постоянном движении. В самом центре постоянно мелькал, то прячась, то появляясь, чёрный язык- жало, свёрнутый в узкую трубочку. Далеко выступающие вперёд надбровные дуги, висящие мясистыми наростами над большими и глубокими чёрными буркалами глаз.

Голый череп, переходящий в костяной гребень с точащими во все стороны редкими и острыми иглами. Резко вырубленные скулы, ограничивающие верхнюю часть морды со свисающими кожистыми брылами. Точащие в стороны вытянутые, с острыми кончиками, хрящеватые уши.

Существо сделало ещё один шаг вперёд, зашипев и резко развернув лепестки, образующие хобот. Блеснули мелкие острые зубы, усеивающие их внутреннюю поверхность, мелькнул тёмный язык, покрытый вязкой и тянущейся слюной.

Казалось – куда уж сильнее можно было бы кричать, но...

Наталья поперхнулась криком, уставившись на одну единственную деталь, которую смогла заметить только сейчас. Натальный крест, который был таким же, как и у её мужа. Крест, который болтался сейчас на тоненькой золотой цепочке на шее этого монстра. Крест-близнец того, что всегда висел на шее Егеря. Их было два, абсолютно одинаковых, купленных давным-давно на крещение Егерю и, Вадиму, своему любовнику, приходящемуся Егерю двоюродным младшим братом.

Она поняла то, во что поверить было практически невозможно, если бы не тот факт, что прямо перед ней стоял этот монстр.

Тварь шагнула к ней, издав резкий и показавшийся Наталье издевательским хохоток. Она сжалась в комок, захлёбываясь слезами, готовясь к тому страшному концу, который её ждал.

Существо, бывшее не так давно Вадимом, шагнуло к ней, ещё больше развернув лепестки с зубами и зашипев...

За разбитым стеклом грохнуло и блеснуло...

Макушка твари разлетелась ошмётками, заляпав стену напротив и девушку своим липким, тёмным содержимым. Существо покачнулось, взревев, попыталось сделать ещё один шаг и упало, успев разодрать кусок постельного белья острыми когтями на вытянутой вперёд руке.

Наталья всхлипнула, стараясь забиться как можно дальше в угол кровати, со страхом глядя на чуть видневшееся над её краем плечо твари.

За окном появился тёмный силуэт с поднятой и смотрящей стволом в дом «Сайгой». Чуть позже с еле слышным щёлчком зажётся фонарь, закреплённый на цевье:

– Наташа, ты жива? – Глуховатый голос её мужа заставил женщину сжаться на кровати. – Наташа?

– Да... да!!! – Она громко закричала, поняв, что кошмар кончился. Может быть и не совсем, но пока его точно не будет. Как бы она не относилась к Егерю, как к мужу, но то, что с ним не стоило бояться попусту, Наталья знала прекрасно. За ним она всегда чувствовала себя как за каменной стеной, не опасаясь никого и ничего.

Егерь вцепился в раму окна через разбитое окно, напрягся и дёрнул. Рама подалась, с треском выдирая шпингалет. Мужчина оглянулся вокруг, осматриваясь, и одним махом перемахнул через подоконник, оказавшись внутри собственного дома. В который раз, наблюдая за его движениями, Наталья поразились их экономичности и плавности. Егерь в подобные минуты даже пугал её своим отточенным автоматизмом, который несколько не растерялся с того момента, как он ушёл со службы.

Он прошёл вперёд, стараясь не хрустеть осколками стекла, осветил фонарём на лежащую на полу тушу монстра, в которого превратился Вадим. Присвистнул, только этим и выдав свои чувства. Присел на корточки, внимательно разглядывая то, что осталось от головы. Провёл пальцами по гипертрофированным, застывшим мышцам, покрытым чешуйчатой тёмной кожей. Задержался, нащупав крест, дёрнул, срывая его с цепочки, и поднёс к глазам.

– Вадим, Вадим... – Егерь чуть слышно прошептал имя брата, встал, покосившись на жену. – Одевайся, и быстро. Уезжаем, пока не поздно.

– Да, да, конечно. – Наталья быстро метнулась в комнату, в которой стоял шкаф-купе. И уже оттуда крикнула Егерю. – Одеваться удобнее?

– Да. – Егерь прошёл мимо неё, направляясь в третью, самую дальнюю комнату. – Деньги не забудь, и документы. Все вещи не бери, только те, что могут пригодиться. Свитер там, куртку...

Он подошёл к старому, ещё бабушкиному сундуку, который перешёл к нему по наследству, массивному, выкрашенному в светло-зеленоватый цвет. Открыл старый, но надёжный замок. Достал большой и вместительный рюкзак, который постоянно держал наготове, разгрузочный армейский жилет, который привёз с армии и старенькую «эрдэшку». Легонько провёл рукой по стопке старых, выпущенных ещё «Мелодией», пластинок с детскими сказками, которые каким-то чудом сохранились с того времени, когда они с Вадимом торчали в этом доме каждое лето. Вспомнил, как мечтал о том, что будет включать их сыну, эти хорошие и добрые сказки. Даже отыскал на рынке «заюзанную», но всё ещё работающую магнитоу «Сириус». Ребёнка так и не дождался, а теперь и сами мечты, похоже, уходили в небытие. Егерь сморгнул, почувствовав, что глаза предательски намокли. Сгрёб в сторону открытки, которые когда-то коллекционировала его мама, подумав про себя, что удачно подвернулась путёвка в санаторий, где она сейчас находилась. Под открытками находился сейф. В котором Егерь хранил свой «арсенал».

Он был невелик, и дополнял «Сайгу» всего двумя «стволами»: ижевской вертикальной двустволкой и карабином СКС. И то и другое было надёжным, вдобавок на карабине была установлена немецкая оптика. Там же лежали патроны и оставшиеся магазины к «Сайге». Егерь ухмыльнулся, посмеявшись над собственным вооружением, и залез ещё глубже в сундук. Там, аккуратно завёрнутые в чёрный полиэтиленовый пакет и спрятанные (ну, типа, ещё раз ухмыльнулся про себя) в коробку из-под обуви, лежали «макар», обоймы и патроны к нему.

– Ну, вот видно и пригодился подарок... – Он покачал головой, подивившись собственным спокойствию и интуитивному чувству обречённости. Это же надо, как чётко в голове всплыло то решение, о котором не думалось ещё полчаса назад. Да, с того момента многое

изменилось, и то, что лежало в соседской комнате, оставшись от того, что было его братом, чётко это доказывало. Но что толку думать про это, когда нужно действовать?

С собственным последним доводом Егерь был полностью согласен. Делать ноги нужно было как можно быстрее, так как тварь, которой он прострелил голову, никак не укладывалась в рамки какой-то локальной экологической катастрофы. Чем бы ни занималась в его отсутствие Наталья, но, тем не менее, за неё он чувствовал ответственность. А значит – делать ноги нужно было ещё быстрее и, по возможности, аккуратно.

Он развернулся в сторону выхода из дома, попутно сняв со старого шифоньера два спальных мешка. Наталья уже оделась и упаковала свою спортивную сумку, с которой обычно ходила в бассейн. Джинсы, кроссовки, удобная толстовка с капюшоном, констатировал про себя Егерь, оставшись довольным внешним осмотром.

– Ну, всё, двигаем. Документы не забыла?

– Нет. А... Вадим?

– Какой Вадим, Наташ?

– Как какой?.. Но...

Егерь повернулся к ней, приглядевшись в тусклом зеленоватом свете из окон к её лицу:

– Наташенька, то, что лежит в спальне – не мой брат. Я не знаю, что это, но стрелял точно не в Вадима. Стрелял я в непонятную тварь, которая чуть не убила тебя. Понимаешь?

Женщина всхлипнула, кивнув головой:

– Да, конечно, конечно...

Двигатель «Нивы», довольно рыкнув, завёлся сразу. Егерь выкрутил руль, выезжая на укатанный грунт между домами, направившись в сторону дороги, ведущей к мосту, через который можно было попасть в Ключи, рядом с которыми находилась база лесничества.

***

Семёныч шарил по карманам в поисках зажигалки. Но она никак не находилась, и прапорщик злился, кроя всё вокруг матюгами. За спиной, в клетке, выли и ревели задержанные на «пятак» нарушители, что было немудрено.

Семёныч, который пришёл в себя позже остальных, и у которого сразу начала раскалываться голова, не стал терпеть их вопли. Ругаясь и шипя от боли сквозь зубы, дёргая неудобный ремешок на кобуре, достал табельный ПМ, и не глядя, выстрелил в их сторону несколько раз. Потом ему пришлось сделать ещё два выстрела и контрольный «звонок» в голову сержанту, который решил вмешаться.

Третий член экипажа не сказал ни слова. Твёрдый и жёсткий руль «уазика» при резком торможении во время Волны сломал ему шею.

Прапорщик наконец-то нашёл зажигалку и щёлкнул, прикуривая. Едкий сигаретный дым заполнил тесную кабину, но Семёнычу было на это глубоко наплевать. Ему он не мешал, несколько. Глубоко затянувшись, он откинулся на сиденье, пытаясь вспомнить то, что случилось. Получалось не очень, но это было хотя бы что-то...

Небо на севере слегка окрасилось в зеленоватый свет...

Вспышка, ярко-изумрудная, мгновенно выхватившая из тени всё вокруг...

Что-то непонятное, мелкое, отблёскивающее, пришедшее за вспышкой...

И темнота...

Да уж, дела...

Семёныч хмыкнул, понимая, что всё, бывшее реальным ещё час назад, теперь является ничем другим кроме альбома со старыми фотографиями. Почему он пристрелил трёх человек? Он не понимал причины, но это его волновало куда как меньше того, что творилось вокруг.

А творилось что-то весьма непонятное. Пока прапор курил, мимо «уазика» пробежал какой-то мужик, за которым гнались несколько дворовых шавок. И всего бы ничего, да только у обычных дворняг глаза не светятся жёлтым светом, как противотуманки.

Где-то вдалеке ощутимо грохнуло. Через какое-то время звук повторился, только куда как ближе. И спустя десяток секунд ему стало видно, что один из домов по Первомайской горит. Причём горит весь, от первого до последнего этажа. В голове появилась мысль о том, что это бабахнул газ, и тут же пропала.

Семёныч спокойно и неторопливо докурил сигарету, забывчивая её о простреленный затылок одного из бывших напарников. Открыл дверь и подошёл к водительскому месту. Выбросив тело на асфальт сел на сиденье и попытался завести машину. В движке что-то заурчало, треснуло и всё. Автомобиль умер. Но прапорщик не расстроился, оставаясь всё таким же невозмутимо спокойным.

Он спокойно достал из поясной кобуры водителя пистолет и запасную обойму. Засунул ствол за пояс, обойму убрал в задний карман. Ещё раз обошёл машину, добравшись до второго напарника, у которого забрал «ксюху» и подсумок с тремя запасными магазинами. Пощёлкал переключателями патрульного «Кенвуда», который наконец-таки ожил, выдавая в эфир мат и неадекватные вопли дежурного ГУВД.

Прапорщик покачал головой, внимательно выслушав весь бред, который засорял волны. Минусом того, что он услышал, было то, что всё было непонятно. Плюс – тот факт, что заступавший в дежурство майор Пасечник, судя по всему, всё-таки свалил домой, оставив вместо себя «желторотика» Ранеева, недавно только окончившего школу МВД. А это было только на руку Семёнычу, который уже абсолютно точно понял – что он хочет делать в ближайшее время.

Наконец-то пришло то время, по которому он так скучал, служа в ППС. И он опять сможет в ближайшее время окунуться в пьянящее чувство собственного превосходства, которое ему обеспечит право сильного. Так уже было, давно, в тех местах, где много гор и суровых и гордых бородатых мужчин. Там Семёныч чувствовал себя в своей тарелке, проводя «зачистки» после прохождения армейских частей, стоя на блокпостах и делая всё, что взбредёт в голову. Безнаказанно и упоённо.

Потом, после этих приятных мыслей, Семёныч развернулся и пошёл в сторону «дворца правосудия», абсолютно реалистично глядя на тот факт, что до «оружейки» надо бы добраться как можно быстрее. Шаг у прапорщика был бодрый и пружинистый, как у любого довольного жизнью человека, который шёл заниматься любимым делом. И, в принципе, так оно и было. У существа, которое ещё совсем недавно было сотрудником патрульно-постовой службы, впереди было много времени для удовлетворения своих любимых пристрастий.

Форменный серый китель давно треснул на спине, в районе лопаток и вниз по шву. Но Семёнычу было наплевать на это. Как и на то, что из дыр наружу торчали шипы позвоночного столба, поблёскивающие в слабом свете нескольких ещё работающих фонарей.

***

– А-а-а-а-а...

Монотонный звук стучал в уши, ломился внутрь головы, бил, казалось, прямо в мозг настойчивыми ударами молоточка.

Лёха помотал головой, с трудом разлепив глаза. Сморщился, схватившись за затылок. Пальцы ухватились за что-то непонятное, мокрое, торчащее во все стороны какими-то странными выступами. Пальцы ещё чуть-чуть пробежали по затылку, наткнулись в мягкую, вязкую и горячую массу. Он отдёрнул их, с каким-то невнятным, загнанным куда-то вглубь сознания страхом. Поднёс к глазам, пытаясь рассмотреть поближе то, что клейкой массой держало пальцы вместе, не давая развести их в стороны.

Свет... только сейчас Лёшка понял, что его почти нет. Лампы дневного света, закреплённые под потолком, сейчас провисали вниз тёмными прямоугольниками, держащимися на провисших кабелях.

Что-то горело, отбрасывая рыжие сполохи на светлые стены бокса. В левой была большая, рваная дыра, пробитая столбом теплоцентрали, которая шла впритирку к гаражу. Туда вытягивало дым от горевших масла в пластиковых канистрах, ёмкости с солярой и запасных камер. Именно они горели, давая пусть и небольшую, но хоть какую-то освещённость. Понятно, что дыра не спасала полностью. Лёху затрясло от кашля, когда он вздохнул глубже, сразу наполнив лёгкие едким дымом от палёной резины.

Пальцы, да, пальцы... в чём они? Паренёк, откашлявшись, поднёс руку ещё ближе, заворожено рассматривая тёмную, густую массу, которая лениво сползала вниз. Странно, но ему совсем не было больно, хотя голова-то точно разбита.

– Ерунда какая-то... – Лёшка помотал ей ещё раз, пытаясь понять, есть ли боль. – Ничего не понимаю...

Боли не было... совсем не было.

– А-а-а-а-а-а... – продолжало доноситься откуда-то...снизу?!!

Он попытался наклонить голову вниз, с трудом, чувствуя, как позвоночник трещит от напряжения. А может и не позвоночник... трещало-то слишком явственно. Лёшка напрягся и с силой рванулся вперёд. Краснота в глазах погустела, надавила и что-то, внутри его головы, раздувшись до размера маленького глобуса, лопнуло...

В себя он пришёл от звуков собственного, глубокого и грудного кашля, и от звуков снизу, перешедших в тихое и тоскливое поскуливание. Лёха покосился в сторону звуков, в этот раз у него, как ни странно, получилось. Причина скулежа сразу стала понятна.

Где-то в метре под ним, чуть подальше, лежал Мирон. На ногах здоровяка, полностью размозжив ему ноги от колен и до ступней, лежал двигатель, бывший необходимым пособием в гараже. Обычно он висел на двух цепях, закреплённых на потолке, но сейчас, по какой-то причине, которую Лёха не помнил, оказался внизу, попав прямо на Мирона.

Под недавним мучителем широко растеклась тёмная лужа, тускло поблёскивающая в свете начинающих затухать горюче-смазочных. Сам Мирон, почти не двигаясь, лишь слегка крутя головой из стороны в сторону, жадно и шумно дыша и издавая тот самый скулёж, в который он перешёл с крика.

Лёшка осклабился. Да, он вполне понимал, что человек, постоянно насмехающийся и издевающийся над ним, по сути не был никем, кроме как тупым здоровым «пэтэушником», который делал всё это из-за собственной недалёкости. Но от этого Лёшке лучше не становилось. И сейчас он был доволен, пусть и немного, в силу сложившейся ситуации, но был доволен. Ведь сейчас Мирон был просто беспомощен и жалок.

«А если...» – мелькнула в его голове мысль, которая неожиданно привела Лёху в себя. Абсолютно чётко он осознал, что только что думал о том, как поудобнее можно было бы расколотить мироновскую тыкву на несколько частей. Понял и внутренне поёжился от того, насколько чётко представился ему сам механизм его последующих действий. Но...

Мысль не уходила, зацепившись за какой-то внутренний крючок, и даже продолжала развиваться.

Лёшка, сглотнул, напрягая давно пересохшее горло. По натуре своей он был абсолютно добрым парнем, как говорится – мухи не смог бы обидеть. В деревне у деда до сих пор не мог срубить голову курице, из-за чего над ним беззлобно подшучивали родственники-пейзане. Никогда не ввязывался в драки сам, а если кто-то решал наподдать ему, то чаще всего Лёха потом долго ходил с разбитым лицом и синяками на самых больных частях тела. Но сейчас...

Непонятное пока чувство заставило его превозмочь самого себя, пытаясь сдвинуться с места по направлению к Мирону. В районе поясницы ещё раз ощутимо хрустнуло. Он шагнул, с трудом поднимая безумно тяжёлые, кажущиеся чужими ноги.

– А-а-а-а!!! – Крик, поднявшийся от пола, прокатился по боксу, отражаясь от стен. Безумный, рвущий связки вопль, который издал Мирон, повернувший голову в его сторону. – Не надо!!! Не на-а-ад-о-о!!!

Что-то звякнуло с левой стороны, ударившись об пол. Лёшка покосился туда, пользуясь тем, что всё-таки выбрался на более освещённый участок внутри гаража. И замер, еле успев поставить тяжёлую, налившуюся свинцом ногу вниз.

Двигатель, лежавший на ногах Мирона, крепился на двух цепях. Длинных, с толстыми звеньями, заходящих на блоки, по которым агрегат можно было опускать и поднимать. Обрывки одной – болтались под потолком. А вот вторая...

Вторая, задевшая загнутым крюком о бетон, залитая тёмной, и так знакомо жутко пахнувшей жидкостью, уходила концом прямо в левую Лёшкину руку. Последнее из видимых звеньев наполовину высывалось из широко разорванной кожи предплечья. Остальное уходило куда-то вглубь, вздуваясь уродливым, шишковатым наростом. Лёха непонимающе смотрел на неё с минуту. Чуть напряг мышцы и вздрогнул, когда она втянулась внутрь. Потом, поняв, что это не всё, повернул голову вниз и вбок. Чувствуя, как холодный пот ручейками прокатился по спине и лицу, посмотрел на грудь.

Металлические части от того самого двигателя, в котором так долго ковырялся Мирон. Лёха, наклонив вниз голову смотрел на то, как из его тела выпирают вперёд непонятно как оказавшиеся в нём куски механизмов. Они торчали, выходя из разошедшихся в сторону рёбер грудной клетки и живота. Заляпанные его кровью, чуть поблёскивающие в рыжих отсветах пламени. Неестественные, чуждые и непонятные. И он чётко услышал, как там, непонятно каким образом работая, что-то проворачивалось...

И ещё он стал выше, заметно выше. Теперь Лёшка понял, почему так странно казалось ему то, что он так хорошо видел Мирона.

Но как?!! Каким образом могло такое случиться?!! Белый до сияния страх, вот и всё, что чувствовал сейчас парень, ещё час назад зашедший в злополучный бокс. Страх ослепил, затолкал внутрь всё остальное, охватил острыми шипами колючей проволоки. В висках стучало громко и отчётливо: ЧТО СО МНОЙ?!! А потом, разом погасив всё, в очередной раз пришло спасительное забытьё, закутавшее расколотый рассудок тёмным одеялом беспамятства...

Осипший от крика, взрывааемый изнутри рвущимися минами боли Мирон откинул голову на бетон пола. Сил не осталось. Он давно не чувствовал ног, лишь иногда сотрясаемый накачивающимися волнами от перекорёженных костей и суставов, разможжённых двигателем. Мирон, скрёб пол сломанными ногтями, тщетно пытаясь сдвинуться с места. Когда тёмная громада замерла, не дойдя до него пары шагов, он тихо и обречённо, как подыхающий двортерьер, завыл, чувствуя, как слёзы катятся по щекам.

Но через какое-то время, когда нечто, недавно бывшее лохом-неформалом, опять зашевелилось, лязгая и скрипя, он снова попытался сдвинуться. И лишь когда над ним нависла тёмная тень, и Мирон увидел, как шевельнулась заляпанная кровью цепь... лишь тогда он опять, безнадежно, устало и тоскливо закричал в последний раз.

***

Валеру неудержимо рвало. Скручивало в жесточайших спазмах и выворачивало наизнанку. Трясло в ознобе при всём притом, что внутри у него полыхал огонь, разгоняемый кровью по сосудам. Накатывало так, что он не понимал того, почему до сих пор не подох, выблевывая собственные внутренности.

Минут через десять его наконец-то отпустило. Тренер сел на колени, уперев в них ладони и оглядываясь по сторонам. Слабость не отпустила, но откатилась куда-то внутрь, дав возможность вздохнуть нормально. Валера отдышался, понимая, что неожиданная напасть охватила его на том самом пустыре за спортшколой, куда они с Серёгой успели добежать пока... а что пока?

В голове мелькнул, восстанавливая события, кусок документального фильма в зеленоватых тонах, чётко отпечатавшийся на подкорке:

Вот они с напарником выбегают из-за угла, ориентируясь по крикам и хлётким звукам ударов. Видят там, впереди у подстанции, сцепившиеся фигуры. Сергей что-то кричит, устремляясь вперёд...

Ярко-ярко небо полыхает чётко видимыми перекрещивающимися изумрудными полосами. Они соединяются, образуя странный геометрический узор, потом закручиваются в спирали...

А потом откуда-то с севера, мешая их между собой, накатывает плотное густое марево, заслонившее еле виднеющиеся звёзды. Резкий, невыносимый свист. Ещё несколько вспышек и громкий удар где-то там, вдалеке и прямо вокруг. Вой ветра, превратившегося в ураган. И что-то проносится сквозь всё, что есть вокруг. Через него. Через Серёгу. Через тела мальчишек, так и не прекративших драки. Мерцающая мириадами бриллиантовых блёсток волна. Такая же, как те, что он видел во время отпуска на штормовом море. Охватывающая всё, до чего смогла дотянуться, накрывающая с головой. И темнота...

И вот сейчас он, наконец, пришёл в себя, пытаясь понять – а что это было? И где напарник? Где пацаны?

Кто-то всхлипнул за подстанцией. И ещё раз. Что-то заворчал, глухо и недовольно. Угрожающе.

Валера аккуратно, стараясь не провоцировать собственный организм, подполз к углу и осторожно выглянул. Спустя некоторое время, когда его успевшие привыкнуть к почти крошечной тьме глаза разглядели то, что там творилось, Валера порадовался тому, что не стал звать Сергея.

Напарник сидел на земле, одобрительно рвякая на мальчишек. Еле пробивающийся сквозь начинающие расходиться тучи зеленоватый свет отражался в его глазах, зажигая в них огоньки. Может быть, они светились и сами.

Серый, показавшийся Валере каким-то странным и изломанным, опустил руку куда-то вниз. Что-то влажно хрустнуло, подаваясь, и второй тренер поднёс ко рту ладонь с непонятной тёмной массой.

Пять или шесть мальчишек крутились вокруг него, передвигаясь дёргаными движениями в полуприсяде. Вот один нагнулся к темнеющему лежащему силуэту, чуть развернул его и опустил голову, дёргая ей из стороны в сторону. Когда он оторвался от предмета своей настойчивости, облака почти полностью разошлись. Валеру, только что выbleвавшему всё, что было внутри, чуть было снова не скрутило в судороге. Он понял, что же такое дёргал зубами четырнадцатилетний Виталик, до недавнего времени бывший почти отличником в учёбе и примерным учеником в спорте...

Валера бежал вперёд, стараясь укрываться в тени, если видел впереди какое-либо движение. Он торопился попасть домой, чтобы прихватить то, что всегда лежало наготове в стареньком шкафу в спальне. Тренер очень надеялся на то, что сможет без проблем добраться до своего двухэтажного дома на Ленина. Хотя это уже представлялось ему сложным.

Этой ночью Город зажил новой жизнью, сейчас старательно вырывающейся наружу. И она, эта жизнь, заявляла о себе всё громче и громче, странными криками, воем, стонами и воплями боли, непонятными силуэтами, мелькающими в тусклом зеленоватом свете, абсолютно чуждыми и незнакомыми запахами...

***

Надя пришла в себя тогда, когда рядом скрипнули тормоза автомобиля. Чуть позже рядом раздалися шаги, неуверенно приближающиеся к ней.

Она лежала на боку, чувствуя занемевшей правой рукой неровности асфальта. Застонав от резкой, разом прокатившейся по всему телу боли, попыталась приподняться. Не получилось. Тело, казавшееся ватным, не дало сделать этого простейшего движения.

Рядом кто-то сел прямо на бордюр. Кто? И что с ней, почему она лежит?!

– Надя, Надя... – Ломающийся, сиплый голос Мансура. – Ты как? На-а-д-я-а...

Девушка смогла повернуть в его сторону голову. Мансур сидел, как-то странно заваливаясь на бок, опираясь на руку. Бледный, с темнеющими кругами глаз, растрёпанный...

«В чём у него рубашка?»... Надя, сама не понимая для чего, напрягла глаза, пытаясь понять. Белая рубашка спереди была густо заляпана чём-то тёмным, остро и неприятно пахнущим. И ещё, более внимательно присмотревшись, она заметила, что левая сторона лица у её Иглесиаса в крови, уже запёкшейся и кажущейся почти чёрной в свете единственного фонаря, светившего метрах в семи от них.

– Надюшка... – Он наклонился к ней. – Живая, живая...

– Что с тобой? – Собственный голос, который прорвался через скрипящее внутри, сухое и колющее горло, она практически не узнала. – Откуда кровь?

– Я к тебе ехал... – Мансур наклонился, обхватил её руками и аккуратно посадил, придерживая за плечи. – Как раз на Соколова выехал, когда всё началось.

– Что началось? – Надя понемногу приходила в себя, чувствуя, как её неожиданно начало трясти. – Ничего не помню... В себя пришла когда ты подъехал.

– Не знаю, что началось. – Парень чуть качнулся в сторону. – Накатило что-то с севера, со стороны Осиновки. Как будто вспышка сначала, а потом плотный такой типа туман волной. Еле по тормозам успел, перед тем, вырубиться. Головой вот приложился. Облевался весь... жёсть короче. Подъехал, смотрю, ты лежишь. И Катька вон...

Катька?..

Надя посмотрела в ту сторону, куда ткнул рукой Мансур. То, что издали могло показаться кучей тряпья, которую не донесли до мусорки, на поверку оказалось её подругой, лежавшей на асфальте как-то странно, неестественно, изломанно. Она целую вечность (минуту?!), смотрела на неё, осознавая факт того, что:

Живой человек не может лежать так, как будто суставы у него гнутся в любую сторону.

А раз так – то Катьки больше нет. То, что валяется на асфальте, это не она. Это просто мёртвое тело.

Она выдохнула, зажав рот ладонью и, глядя на подругу, всхлипнула. Её уже нет...

Но почему?! Что случилось то? И если с ними произошло что-то непонятное, то, что может быть с папой, мамой и Серёжкой?! Надя резко вскинулась:

– Домой... мне нужно домой...

– А? Да, конечно... – Мансур ещё трясущимися руками помог ей подняться. – Сейчас...

Девушка поднялась, охнув и схватившись рукой за поясницу, в которой что-то отчётливо выстрелило. Голова кружилась, и ей никак не удавалось сосредоточиться на том, что было вокруг. Надя чуть постояла, собираясь с силами, и потом оглянулась вокруг.

Чёрные провалы окон пятиэтажек её двора и почему-то горящие лампы фонарей. Чуть в стороне журчала вода, и Надя краем глаза заметила её блеск на асфальте у дома напротив. В голове мелькнула мысль о том, что где-то прорвало трубу, и тут же пропала. До девушки наконец-то дошло, что во дворе царил тишина. Тяжёлая, кажущаяся ощутимой, тишина. Коробки автомобилей, продолговатые силуэты у нескольких подъездов, которые лежали также как Катька. И небо, которое было странного, зеленоватого цвета, и на нём не было звёзд. Оно

было полностью затянута плотными тяжёлыми клубами туч. Судорожно вздохнув, она повернулась к Мансуру:

– Помоги дойти до подъезда, пожалуйста.

– Конечно. – Мансур осторожно обхватил её рукой, подставляя плечо. – Идти можешь спокойно?

– Да. Пошли.

Они прошли пять или шесть шагов, когда пятый этаж её двухподъездного дома внезапно набух ярко-оранжевыми шарами взрывов. Гулко грохнуло, зазвенело и застучало. А потом весь дом, все его пять этажей превратились в клокочущее доменное нутро, в котором забушевало пламя. Надя закричала, прижав кулаки к лицу, видя, как из окон их «двушки» выхлестывают длинные языки жёлтого пламени. Как болтается единственный оставшийся целым стеклопакет на кухне. Как вылетает тяжёлая подъездная дверь, когда раздался последний из взрывов, зацепивший первый этаж и подвал. Как из окна первого этажа вываливается фигура одинокого пенсионера Ковалёва, охваченная огнём. Он падает на аккуратную клумбу, высаженную им самим, дёргается несколько раз и успокаивается, раскинув руки в разные стороны. И как начинается грохотать в соседнем доме, длинном, на семь подъездов.

– Бежим, Надя, бежим... – Крик Мансура еле-еле пробился сквозь плотную подушку, которая плотно забила ей уши. – Надя!

Он схватил её за руку, силком потащив к машине. Подбежал, сорвал с себя куртку, сбивая что-то, тлевшее на крыше. Рывком заставил её, оглушённую и потерянную, сесть на пассажирское сидение. Сам тут же обежал её, хлопнул дверью, садясь и торопливо ища ключи по карманам. Надя посмотрела на него, собираясь спросить о том, что же он собирается сделать, когда краем глаза уловила какое-то движение. Она чуть повернулась в его сторону, присмотрелась...

– Мансур...Мансур!!! Смотри!

– Куда?!

– Катька, Мансур, она же встаёт...

– Ни хрена себе, да что ж это такое?!!

Катька вставала...

Видимая в чётком свете почему-то горевших фонарей, лежащая в нескольких метрах от машины Мансура, мёртвая не меньше чем двадцать минут, она вставала. Надя видела, как скребли по асфальту широко растопыренные пальцы, ломая маникюр, который всегда был идеальным. Ломаными и неправильными движениями, раскачиваясь из стороны в сторону, медленно и целеустремлённо до жути, Катя пыталась встать...

Изогнувшись под невиданным углом, прокрутившись в тазобедренных суставах, её ноги твёрдо встали ступнями на серый, заплёванный асфальт. Выгнулась изломанная шея, подняв тяжёлую голову, ещё несколько минут назад уткнувшуюся волосами в тёмную лужу, натекшую откуда-то из-под наверняка проломленного виска. Свет фар, которые включил Мансур, отразился в аспидно-чёрных глазах того существа, в которое превратилась бывшая Надина подруга. Девушка взвизгнула, видя, как Катя, одним сильным толчком, начавшимся в ладонях, встала, чуть покачиваясь. И двинулась в сторону слепящего света, немного наклоняясь в сторону, медленно, но всё также целеустремлённо.

Двигатель рыкнул, выгнув из выхлопной трубы клуб сизого дыма. Мансур дёрнул ручку коробки передач, давая задний ход. Машина дёрнулась, подаваясь всем телом назад.

Выскочив на тёмную прямую улицы имени архитектора Соколова, автомобиль рванул в сторону дома, в котором жил Мансур, удаляясь из горящего котла двора, в котором уже появились новые обитатели.

Существо, недавно бывшее молодой девушкой чуть постояло, привыкая к новому состоянию, посмотрело в сторону быстро удалившихся задних габаритов машины...

Ему было чем заняться в ближайшее время. Оно подняло голову вверх, туда, где в небе всё ещё бывшем зелёного цвета клубились тучи, и издало первый охотничий крик в новом периоде жизни бывшего городка нефтяников и газовиков.

***

Рита...где Рита?!!...

Почему так болит голова? Почему темно? Почему?..

.....что за хрень?!!

Александр Анатольевич вцепился пальцами в старую, местами облупившуюся крышку стола, поднимаясь. Голова старательно трещала, разрываемая острыми выстрелами боли во время того, как он поднимался...

Станный, зеленоватый и мягкий свет, падал в комнату через почему-то разбитое наполовину стекло. Он оглянулся, пытаясь понять: что всё-таки произошло?

В себя врач пришёл на полу, у стола, за который вернулся после того, как они с Ритой... Вон лежит перевернутый судок из-под еды и вилка, которая чудом разминувшись с его левым глазом. Разбитая стекляшка со спиртом, наполнившая комнату чётким и устоявшимся запахом, который до сих пор не выветрился. Покрывало с дивана, комком лежащее на полу. И приоткрытая дверь в «предбанник» морга.

Александр Анатольевич двинулся в сторону двери и тут же охнул, мешком осев по стене. Ноги слушались плохо, отдаваясь какой-то странной слабостью и уже затихающей болью в суставах. На лбу выступил пот, крупными и холодными каплями, так чётко ощущаемые патологоанатомом. Он скрипнул зубами, собираясь с силами для того, чтобы встать, когда из-за приоткрытой двери до него донёсся какой-то странный звук, больше всего напоминающий... а что напоминающий?

Врач сидел, пытаясь отогнать от себя глупую и одновременно страшную мысль. Александр Анатольевич был врачом-танатологом уже почти десять лет. Цинизм, присущий его профессии он спокойно совмещал с прекрасными материалистическими взглядами на смерть. А также то, что непременно с ней связано, включая суеверия и страшные бабушкины сказки.

Но звук, который он услышал, напомнил ему только одно...

Также чавкал громадный алабай, принадлежащий его дядьке, живущему в отдельном коттедже. Батыр, матёрый взрослый пёс, был куда как не дурак пожрать. И когда его мощные челюсти равномерно дробили кости-мосолыги вперемежку с кашей, то он издавал именно такие звуки. Жадно и громко чавкал, пропихивая через мощное горло куски мяса, на которые дядька никогда не скупился для своего любимца. И услышать такой звук в морге?!!

Он чуть приподнялся, чувствуя, как пот потёк по спине, холодный, липкий. Вся уверенность в том, что невозможно то, о чём подумалось – испарилась, когда звук стал громче. И ещё...звук был не одиночным. Чтобы его не издавало, но оно было не одно.

Тихо-тихо, аккуратно, стараясь не скрипнуть разохшимися досками, Александр Анатольевич подполз к приоткрытой двери. Чуть помедлил, отгоняя страх, который всё сильнее накачивал на него, растекаясь холодком адреналина с низа живота. И выглянул...

Большая комната, которую работники морга называли предбанником, была залита светом, падавшим через два высоких окна. С той стороны работал фонарь, пусть и плохо, но зато почти не моргая. Свет бросал чёткую тень от прямоугольника, находившегося прямо посередине и обложенного кафелем. Обычно на него ставили то, на чём, или в чём, лежали клиенты Анатолия Александровича. Сегодня он пустовал, зато рядом...

Раскинув в стороны длинные, кажущиеся в слабом свете мертвенно-бледными, ноги, на гладких плитках лежала Рита. То, что это была она, врач понял сразу. По босым большим ступням с длинными пальцами с тёмным лаком, по короткому, сбившемуся белому халатику. И больше ничего не было видно.

Потому что прямо на её животе сидел тот самый бомж, который занимал третий стол в «разделочной». Сидел, нисколько не смущаясь фактором собственной смерти от естественных причин и разрезом от горла и до паха, который Александр так и не зашил, а только выскреб всю требуху. И отдирал куски мяса от большой Ритиной груди с маленькими коричневыми сосками, которую ещё так недавно мял в ладонях врач. Отдирал, запихивал в рот и жадно чавкал, проталкивая её внутрь себя. Рядом с ним сидел один из двух парней. Этот ковырялся в нижней части живота уже по настоящему мёртвой медсестры, доставая тёмные ошмётки, с которых сочно шлёпали тяжёлые капли, разбивающиеся об пол.

Патологоанатом замер, крупно задрожав и слыша, как стучат друг о друга зубы. Руки тряслись...

Скрипнула дверь прозекторской. Ловко и мягко появился третий из недавних «клиентов» морга. Вышел аккуратно, не шлёпая босыми ступнями по кафельным плиткам, присел. Чутко повёл головой по сторонам, гоня перед собой обжигающе ледяную волну животного ужаса, накатывающуюся на врача. Свет отразился в мёртвых, кажущихся зеркальными глазах не-мёртвого. Глазах, уставившихся в сторону полуприкрытой двери, за которой прятался Александр Анатольевич.

Врач, пятясь задом, отодвинулся подальше в комнату, видя, как существо чуть наклонило голову вперёд, судя по всему заметив его. Правая рука судорожно зашарила, пытаясь нащупать... что? Зачем?!! Да хотя бы что-нибудь, что могло бы дать ощущение реальности происходящего!!! Пальцы наткнулись на металлическую ножку перевёрнутой табуретки именно тогда, когда последняя вышедшая тварь с места, не поднимаясь с четверенок, рванула в его сторону.

Патологоанатом успел вскочить и всем своим немалым весом навалиться на дверь. И еле-еле успел вогнать ножку табуретки в старую выгнутую (спасибо те, завхоз Петрович, не успевший её заменить) скобу дверной ручки. На дверь обрушился мощный удар от бросившейся всем телом на дверное полотно твари. Косяк скрипнул, но выдержал.

– А-а-а!!! – Прыжок Александра Анатольевича в сторону окна совпал с моментом следующего удара. Звон бьющегося стекла, треск рам и двери. Удар ходячих мертвяков был двойным, чего патологоанатом не видел и не знал, падая на асфальт под окном и сдирая кожу с лица.

Вскочив на ноги, он кинулся в сторону ворот больничного городка, не оглядываясь по сторонам, стараясь убежать как можно дальше. И не видел, и не слышал, что:

...небо над его головой уже теряло глубокий зелёный цвет, который раскладывался на множество пересекающихся полос, в промежутках между которыми врывались куда более яркие, чем обычно, красноватые сполохи от газовых факелов.

...в окнах большого больничного корпуса, да и во всех остальных, свет ламп танцевал в странном и ритмичном танце. И ещё там танцевали множество силуэтов, странных, искажённых, и оттуда, из закрытых корпусов, раздавалась ни на что не похожая какофония звуков. Сотканная из нот воплей от ужаса и боли.

... в окно следом за ним выпрыгнуло две фигуры, которые метнулись, было за ним, но потом обративших внимание на две столкнувшихся машины «скорой помощи», возле которых прямо на асфальте лежала кричащая женщина с громадным беременным животом.

Когда они приблизились к ней, нетерпеливо порывкая и оскаливая ставшие очень большими и острыми зубы, то... Первый из оживших мертвецов был схвачен ею рукой прямо за горло, вторая рука с мгновенно вытянувшимися пальцами охватила голову. Пальцы напряглись, хрустнуло, и зомби покотился в сторону, а чуть позже на него шлёпнулась оторванная голова, с болтающимися обрывками шейных хрящей. А во второго, выйдя из неожиданно появившейся глубокой щели на животе женщины, вырвались несколько длинных узловатых щупалец, скрутивших мертвеца и потащивших его к беременной. Которая после этого, встав, залезла в «газель», затащив за собой зомби...

Александр Анатольевич нёсся вперёд, не осознавая того, что бежит он куда как быстрее, чем любой олимпийский чемпион. И ноги его гнутся в суставах как-то необыкновенно пластично. А кровь, капающая из глубоких порезов – светится слегка серебристым светом в темноте...

***

Кир сидел в вагончике, плотно захлопнув дверь, застегнув цепочку и воткнув швабру в ручку. Его трясло в мелком ознобе страха, пронзающего с ног до головы.

За замызганным стеклом одного из окошек выли, ревели и рычали. Там метались тени животных, вырвавшихся из клеток, разбегающихся и одновременно рвущих друг друга. Вот взревела Машка, медведица-пестунья, чей басовитый рык Кир спокойно узнавал даже изда-лека. Зоотехник вжался в старые доски стены вагончика, что-то шепча трясущимися губами и вспоминая то, что только что происходило там, возле загонов...

В себя Кир пришёл быстро, практически не почувствовав ничего странного и необычного. А вот Саныч...

Старший техник метался по периметру земли между клетками с невыносимой скоростью, чем-то звякая и поскрипывая. В воздухе стоял бешеный крик и ор животных, висел острый запах адреналина, и Киру стало страшно. А когда он понял – что делает Сан Саныч, то единственное, что он успел сделать, это было бегство в сторону своего вагончика.

А Саныч просто отпирал клетки, выпуская на волю обезумевшее зверьё. Звери не выходили сразу, как будто специально давая ему шанс выпустить всех. Неизвестно, что перемкнуло в голове старого зоотехника, но делал он своё дело так, что смог отсрочить собственный конец. Сначала он открыл клетки копытных и прочих, оставив хищников напоследок, чем и смог добиться отсрочки минут в десять. Но, в конце концов, Саныч добрался и до них, тем самым подписав себе приговор.

И как ни странно, покончил с ним его любимый белый как снег Буран, громадный полярный медведь. Вылетев из клетки светлым громадным ядром, он сбил Саныча с ног, и, не дав ему подняться, одним ударом мощной, украшенной когтями лапы – раздробил череп, попутно сняв с зоотехника скальп.

Всё это Кир видел в окошко, в чью раму он вцепился побелевшими в суставах пальцами. Зубы отбивали чечётку, но он всё равно продолжал стоять на коленках, чуть выставив над подоконником голову и наблюдая за тем, как вырываются на свободу те, кого так долго держали в клетках на потеху толпе.

Как волки выскальзывают в узкий проход стремительными серыми тенями, чутко поводя по сторонам носами, уже почуявшими запах крови.

Как неторопливо, круша всё на своём пути, огрызаясь друг на друга, выбегают громады медведей.

Как распластавшись в прыжке, взвившись на будку с кассой одним махом, вытягивается на её крыше низкая и страшная тигриная тень.

Как растворяются в ночных тенях подвижные фигуры пантер, сливаясь с мраком и издавая древний как мир охотничий призыв.

Всё это Кир наблюдал, вжавшись всем телом в дощатую стенку старого вагончика, который стал для него чем-то типа крепости, которая должна была сохранить ему жизнь. Именно так ему казалось до того самого момента, пока он не услышал, как по крыше торопливо пробежали чьи-то лапы. И ещё, и ещё...

Он ползком добрался до старой армейской кровати, прикрученной саморезами к полу, и забился под неё. Кир лежал еле дыша, чувствуя, как от страха он настолько не контролирует себя, что в промежности неожиданно стало очень тепло и мокро. Зоотехник лежал, шепча про себя слова когда-то давно слышанной молитвы, неожиданно всплывшей в памяти, когда, резко

зазвев, вылетело стекло одного из окон. Что-то, вернее кто-то, мягко приземлился на пол, заставив вагончик слегка качнуться. И чуть позже на пол спрыгнуло ещё несколько тел.

Кир прожил ещё остаток закончившейся жизни совсем недолго, забившись под сетку кровати и крепко-крепко зажмурил глаза. И лишь когда, зашуршав и резко пахнув острым звериным запахом кто-то остановился рядом с ним, лишь тогда он открыл глаза.

Последнее, что он увидел в своей прервавшейся так резко жизни, были довольно глядящие на него умные и слегка грустные глаза старого орангутана, немедленно оскалившего пасть и протянувшего к нему странно деформированную лапу с удлинёнными чёрными когтями...

***

Реалии:

Гриф «Совершенно секретно. Кругу лиц с кодом доступа «Красный А 1-1».

Пункт первый:

Из доклада комиссии министерства чрезвычайных ситуаций РФ по случаю экологической катастрофы в городе Радостном:

Выдержка первая.

Комиссией в составе .....ти человек (РАН, Академия катастроф и сейсмоактивности, Институт медицины при РАН, Военно-медицинская академия МО РФ, представители Генпрокуратуры) были установлены следующие факты:

а) Характер происшествия – неизвестен. Предположительно высказано мнение о срабатывании на объекте «Радостный-55» неизвестного механизма защиты внутренних периметров. Одновременно ярко выражены черты катастрофы как техногенной, так и экологической направленности. Многочисленные взрывы газопроводов, выброс химических веществ с нескольких промышленных предприятий, находящихся на территории города. Одновременно с тем – резкое нарушение фона естественной радиации в связи с не выявленной причиной. Также был произведен выброс активной биологически-опасной формы неизвестного происхождения (т.н. Волна).

б) Основные происшествия произошли разово, в краткий временной промежуток. Рецидивы локального характера имеют место по состоянию на сегодняшний день. Меры по предотвращению распространения возможных вспышек заболеваний, связанных с радиационным и биологически опасными поражениями проводятся постоянно. Карантин в близлежащих районах – не отменён.

в) Следствиями событий, происшедших ..... сего года стали многочисленные изменения жителей вышеуказанного района, а также животных различных видов, как домашних, так и диких (Примечание о ориентировочных количестве и составе животных, представленных в местном лесничестве в приложении №3).

Изменения происходят на генном уровне, вызывая необратимые реакции организмов, впоследствии выраженных в мутациях различного характера. В связи с тем, что изменённые жители и животные (в дальнейшем Объекты) представляют собой чётко выраженную угрозу окружающим населённым пунктам, Комиссия настаивает на продлении карантина, а также введении режима чрезвычайной ситуации и эвакуации населения из близлежащих районов....

«Отчёт комиссии № 12/12. Гриф «Совершенно секретно», код «красный»:

Из предварительных исследований Объектов выявлено:

Мутационные изменения проявляются спонтанно, носят чётко выраженный кратковременный характер. В дальнейшем организмы Объектов ремиссии не подлежат. Согласно гипотезы проф.Точинова складывается следующая схема процесса сверхскоростного изменения:

В результате воздействия неизвестных микроорганизмов включается до сих пор незадействованная иммунная система организма. Уровень взаимодействия фактора X (неизвестен) и цепочки ДНК объектов – полностью зависимый от фактора расположенности к Изменению.

Механизм раскрытия защитных схем крайне индивидуален. Исходя из этого каждый Изменённый является уникальной биологической системой, обладающей схожими признаками с другими Объектами того же вила и типа, но при этом обладающий своими, оригинальными, не осязаемыми обычными органами восприятия особенностями.

Митохондриальное взаимодействие – спорадическое.

Предлагаемые меры: идентичные предварительным. Полный контроль Района, с установлением карантина и пресечением любых несанкционированных попыток проникновения за периметр всеми способами, вплоть до физической ликвидации»

Выдержка вторая.

...числа ...месяца сего года, станция сейсмологического слежения МЧС РФ, расположенная на территории в/ч 5572/3 (населённый пункт N, ПУрВО), были зафиксированы сильные подземные толчки, мощностью в ...баллов.

Одновременно с этим спутниками космического слежения МО РФ над территорией стран СНГ был зафиксирован факт крупной природной аномалии атмосферы над территорией г. Радостный, находящегося по следующим координатам: ...градусов северной широты и ...градусов восточной долготы (...область РФ).

Тогда же был зафиксирован феномен неизвестного происхождения, на данный момент известный как «Волна», в том же районе. Эксперты аналитических отделов Генерального штаба МО РФ, Центра спасательных операций МЧС РФ, оперативного штаба МВД РФ, главного управления ФСБ РФ связывают данный феномен с последующими происшествиями на территории вышеуказанного населённого пункта.

Согласно данным расследования, проведённых комиссией сотрудников секретных научно-исследовательских центров силовых структур РФ, данное явление носило чётко выраженный единовременный характер. Дальнейшего хронического протекания зафиксировано не было, до ...числа ...месяца сего года.

На текущий момент зафиксировано три случая так называемой Волны, включая первый. Уровень естественной радиации и биологически-опасной активности при последующих двух – неизмеримо меньше первого, и не несёт тех последствий, что были выражены при оригинальном явлении.

На данный момент представляется наиболее вероятным создать группу учёных в составе (Приложение №5), для организации в районе н.п. Радостный мобильного научно-исследовательского центра по изучению данной ситуации...

Предлагается рассекретить часть работ по объекту «Радостный-55» для круга лиц, привлечённого к аналитической и исследовательской работе.

Выдержка третья.

...числа ..... месяца сего года, согласно плана «Тайфун», направленного на взаимодействие подразделений, войсковых частей и соединений силовых ведомств, были проведены следующие мероприятия:

а) Части ..... армии ПУрВО были приведены в состоянии боевой готовности №1 и выдвинуты в район н.п. Радостный для проведения мер по блокированию жителей заражённой местности.

б) Подразделения МВД РФ и ГУФСИН в составе трёх ОМОН, двух СОБР, а также отрядов «Мангуст» и «Кайман», были выдвинуты в н.п. Кротовка, Черкасы и Ключи для блокирования всех возможных путей выезда из Радостного.

в) Эскадрилья боевых вертолётов Ми-24 УМ, находящаяся в н.п. N, была поднята в воздух для проведения постоянного воздушного дежурства в вышеуказанном районе.

Все подразделения, задействованные на первоначальном этапе блокирования, на данный момент продолжают выполнять боевые задачи, поставленные командованием операции.

Блокирование н.п. Радостный осуществляется (несмотря на отсутствие необходимого количества ЛС и техники) в полном объёме.

Было осуществлено несколько попыток прорыва со стороны местных жителей, подвергнутых заражению. Мероприятия по пресечению указанных попыток были осуществлены в полной мере, согласно Инструкции № ...13/999 от 06 июня ...года

Взгляд вперёд -2

Спасибо парням из группы Сокола. Только их одноразовые гранатомёты смогли отправить смока в длительный нокаут, из которого он, буду надеяться, выберется ни скоро. Если вообще выберется...

Наши ангелы-спасители возникли, как обычно и бывает в подобных случаях, прямо-таки из ниоткуда. И дружно ошаршили назойливого крылатого монстра залпом из «Мух».

Подозреваю (и не без оснований) что шли они в район «финской котельной», где, как мне помнится, обитала дружная компания из нескольких големов. А против кого, скажите на милость, в Районе ещё нужны гранатомёты?! Ну, не против же временного контингента военных? И не против «консерваторов» наверняка. В обоих случаях – восьми стареньких «Мух» будет о-ё-ё-й как мало. А вот против полумеханических упырей, которые так любят подтруснить над рейдерами, паля по ним из всех калибров – как раз.

Как бы то ни было, но сейчас «соколята» давно топали назад, несолоно хлебавши и надеясь только на то, что мы сдержим слово и расплатимся за счёт нашей ходки. А мы упорно шли вперёд, отработывая вовремя и в полной мере оплаченное сафари, во время которого уже погиб один из экстремалов. Оставшихся любителей адреналина это нисколько не смутило, и потому мы упорно шли вперёд, аккуратно направляясь в сторону Сорокового квартала, который вполне чётко сигнализировал нам своими краснокирпичными пятиэтажками.

Двигалась наша группа туда вполне целеустремлённо, надеясь пополнить у Кефира запас боеприпасов, который уменьшился у нас ровно в два раза.

Кефир, он же Сметаныч, один из «местных» дельцов. Человек, или уже нет, но то и без разницы. Он один из тех, кто остался в Районе, не пытаясь выбраться, выжил в первые месяцы после Волны, пережил и обычные Всплески, и последний, считающийся «гипером». А сейчас наслаждался тем, что здесь считается нормальным существованием.

Штаб-квартира нашего друга-бизнесмена находилась на территории бывшего двухэтажного магазинчика с обнесённой высокой стеной из бетонных плит территорией. И она, штаб-квартира, была одним из относительно безопасных мест во всём Радостном.

Местные старались не связываться с Кефиром из-за его взрывного характера и, что немало важно, весьма и весьма серьёзной личной гвардии. Военным он был сугубо фиолетов, а ГБ-шникам наверняка сливал что-то, при этом умудряясь наживать даже на той белиберде, что могла выйти из Района. Ну, скажите, какому чекисту придёт в голову составлять таблицу оперативных данных, связанных со, скажем, сезонной миграцией стаи местных одичавших котомутантов? Или факт того, что Бабка Матрёна решила, что в этом году она на огороде будет выращивать не дурман-траву, а ядерный молочай, который все свои свойства за пределами Района – полностью теряет. Вот тот-то и оно, а он, Кефир-то, наверняка умудрялся.

Подойдя к перекрёстку, от которого до магазина было всего ничего, мы ненадолго остановились. Вроде бы всё было чисто, но что-то упорно меня смущало. То ли факт того, что на выходе из Гаражей мы так и не увидели ни одного местного жителя, то ли то, что нам удалось протрусить через кусок Парка так удачно, что даже ни с кем не сцепились. Не хочется быть суеверным, но в таком случае всегда хочется ждать беды, нда-а-а...

Тем не менее, до штаб-квартиры нашего кисломолочного товарища мы добрались также спокойно. Подходя ближе, Большой поднял вверх палец, показывая, что всё в порядке, и мы спокойно втянулись через калитку на задний двор магазина.

Здесь всё было как обычно, наполняя душу радостью от ощущения того, что хотя бы что-то остаётся неизменным. Та самая свора церберов, которые, завидев нас, радостно встрепенулись, порыкивая всеми своими, превосходящими количество тел, чрезвычайно зубастыми

головами. И как обычно, их тут же успокоил «погонщик» Васёк, который давно прибил к Кефиру, и которого мы как-то спасли от вурдалаков в районе Топи.

Всё также спокойно мерял шагами территорию полязгивающий сочленениями Фред. И в дальнем углу высилась махина Абрамса.

Эти двое были типичными големами, и никакого отношения не имели к какой-либо англоязычной нации. Просто Фред, судя по некоторым доходившим до меня данным, в прошлой жизни был дальнобойщиком. Водилой, которого угораздило попасть под Волну в кабине собственного «Фрейтлайнера». Его грудную клетку, если можно её так называть, с тех пор украшала радиаторная решётка с логотипом этого, несомненно прекрасного изделия юэсэйевского автопрома.

Что касается Абрамса, то тут дело обстояло сложнее. Я, если честно, естественно опасюсь големов. Но этого парня – откровенно боюсь. Мне и в голову не придёт то, как он смог стать двух с половиной метровым шкафом, с ног до головы облачённым в сталь, и имеющим на вооружении крупнокалиберный танковый пулемёт. Собственно из-за внешности, мощности и серьёзного вооружения его изначально и стали величать Танком. И лишь потом он стал Абрамсом.

Во внутреннем дворике Кефирской вотчины вовсю велась местная торговля, что тоже было абсолютно привычным зрелищем. Нам даже пришлось краснеть, когда заставляли «туристов» идти в сторону двери, ведущей внутрь здания. Так откровенно тут давно никто не паялился на местных. Хотя попялиться там было на что, вполне понимаю наших нанимателей...

Глава третья. Рассвет – осознание

Мансур быстро выкрутил руль, в очередной раз загоняя машину в какой-то из поворотов. Сзади ухнуло и взвыло. Что-то с размаху приземлилось на багажник, скрежетнув по металлу чем-то острым, радостно взвыло.

Надя обернулась, не сумев превозмочь желания увидеть – что же этакое. Коротко и сдавленно всхлипнула, увидев тёмную большую фигуру, вцепившуюся в багажник сразу четырьмя конечностями и блеснувшую в свете фонаря жёлтыми огоньками глаз. В следующий момент Мансур ещё раз резко крутанул руль, одновременно тормозя автомобиль. Тварь не выдержала и улетела вбок, стукнувшись о столб дорожного знака.

– Да что ж такое творится то?! – Парень выдохнул слова, внимательно оглядываясь вокруг, и снова отправил свой совсем не спортивный болид в скоростной полёт, стараясь выбраться на одну из центральных улиц. – Ничего не понимаю, как будто в какой-то третьесортный ужастик попали...

Девушка промолчала. Добавить было нечего. То, что происходило на улицах Радостного – в голове нормально не укладывалось. Не могло такого быть, не могло!!!

Она смотрела на проносившиеся за окном такие знакомые улицы, понимая рассудком, что сейчас нельзя расслабляться и нужно быть ежесекундно готовой к тому, что придётся выскакивать из ставшей абсолютно ненадёжной машины и пытаться бежать. Понимала, но не могла ничего сделать с собой, возвращаясь мыслями назад, вспоминая всё то, что видела вокруг.

Они не смогли выбраться из города с центрального выезда. Когда Мансур вырулил на трассу, то сразу повернул направо. Слева полыхала стена пламени, вырывающаяся со стороны железнодорожных путей, на которых всегда стояли цистерны с жидким топливом и газом. Думать о том, чтобы попытаться выехать в ту сторону, нечего было и думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.